

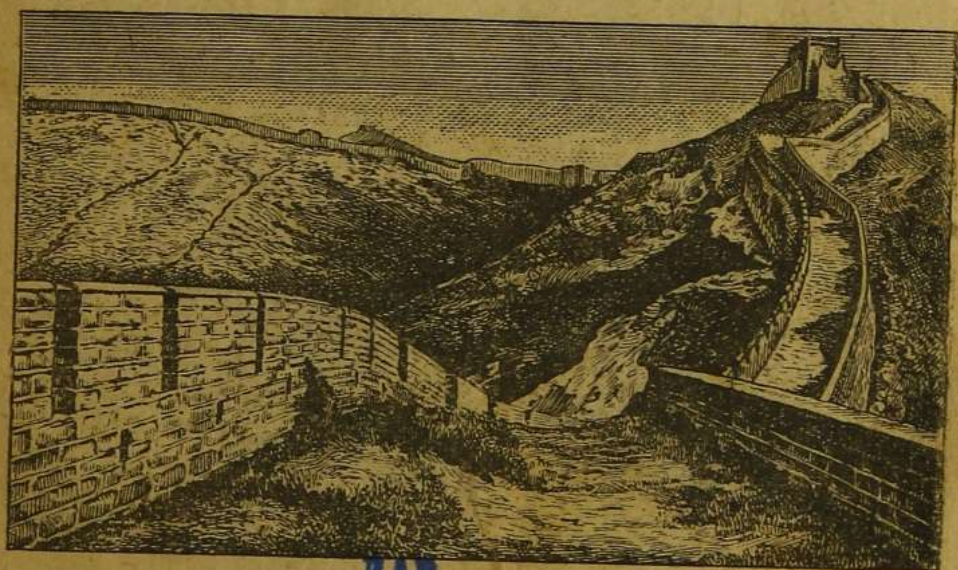
63.5/5Кит)-739

В 44

ВЛ. ВИЛЕНСКИЙ (СИБИРЯКОВ)

ЗА ВЕЛИКОЙ КИТАЙСКОЙ СТЕНОЙ

(Люди, быт и общественность)

**ДАР
ПОЛЕВОГО Л.С.**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕВЯТОЕ ЯНВАРЯ»
ТРАНПОСЕКЦИЯ
МОСКВА
1923

ГУМАНИТАРНЫЙ
ЦЕНТР
Г ИРКУТСК

81699

МБУК «ГЦ»	ФОНД РЕДКИХ КНИГ
--------------	------------------

Главлит. № 7796.

Москва.

Тираж 3200 экз.

Типография „9-е Января“. Яузский мост, Серебрянич. наб., дом 23а.

От автора.

Литература о современном Китае на русском языке чрезвычайно бедна, если не сказать, что почти совершенно отсутствует. Между тем, Китай, в современной международной обстановке, все больше и больше привлекает внимание широких кругов русского читателя.

Восток пробуждается. Этот процесс пробуждения народов Востока носит бурные формы революционного национально-освободительного движения. Не последняя роль в этом процессе принадлежит и седому многомиллионному Китаю, который одиннадцать лет тому назад сбросил монархию и превратился в республику. На протяжении одиннадцати лет идет борьба за утверждение республиканских форм правления. Эта борьба, к сожалению, развертывается в неблагоприятных для Китая условиях международной обстановки. Мировой империализм слишком глубоко вонзил свои когти в тело Китая и не хочет расстаться с своей жертвой.

В процессе борьбы, Китай семимильными шагами движется вперед от своего прошлого к будущему, которое еще не совсем ясно, но уже намечается в контурах и очертаниях тех глубоких изменений, которые мы сейчас наблюдаем в Китае в приложении к его быту, культуре и общественности, подвергшимся значительным изменениям в процессе революционного переустройства.

Задача настоящей книжки рассказать именно об этих изменениях, которые можно наблюдать в современном Ки-

тае. Очерки, собранные в настоящей книжке, написаны автором летом прошлого года, после его последней поездки в Китай. Эти очерки, под общим заголовком «За великой китайской стеной», печатались в «Известиях ВЦИК» и сейчас, в силу интереса, который вызван ими со стороны широких кругов читателей, выпускаются отдельной книжкой.

Конечно, в задачу настоящей книжки не входит дать полное и исчерпывающее представление о Китае. Основная задача нашей книжки—заинтересовать широкого читателя Китаем и его общественной жизнью, и если она сможет это сделать, то автор будет чувствовать удовлетворение.

Вл. Виленский (Сибиряков).

Москва. Январь, 1923 г.

ГЛАВА I.

В преддверии Китая.

За годы революции мне много раз приходилось бывать на Дальнем Востоке и принимать непосредственное участие в его политической жизни. И почти всегда, попадая в дальневосточную обстановку, я испытывал, примерно, такое чувство, как-будто я попадал в преддверие нового мира, не похожего на тот, что остался где-то далеко, за Байкалом, сибирской тайгой, степями и Уральскими горами.

Китай, Япония, Корея, Америка—весь тихоокеанский бассейн с его проблемами, пестрой вереницей текущих вопросов надвигается на ваш мозг и всею силою своего нажима вытесняет из него проблемы и вопросы дня западного полушария—Европы.

Америка — мировой капиталистический колосс, она придерживается политики «воздействия» в европейских делах. Но здесь, в восточном полушарии и на восточно-азиатском материке, она играет первую скрипку в международном концерте. Здесь чувствуется дыхание американского капитала. Его щупальцы—агенты—всюду рыщут в догоне за «бизнесом»—делом.

Япония—что-то маленькое, желтое, хищное, но очень далекое для Европы, здесь—большой фактор политической жизни, как многомиллионного Китая, так и капиталистически могучей Америки. Здесь нельзя отмахнуться от японской проблемы, она сверлит мозг, она выпирает на каждом шагу.

Китай—резервы человечества. Китай, население которого еще не сосчитано, но «на глаз» определяется от 400 до 600

миллионов душ, которые просыпаются от вековой спячки, разрушая «китайскую стену», отделявшую их от всего мира на протяжении многих столетий,—этот Кигай приковывает к себе внимание своей гигантской гражданской борьбой, которая длится целое десятилетие.

Корея, корчащаяся в предсмертных муках в тисках японского империализма. Индия, проклятия которой по адресу английского империализма здесь слышны громче. Вот та далеко не полная сумма факторов, из которых складывается международная жизнь Дальнего Востока.

Давно еще Менделеев бросил мысль о будущем Востока с его огромными материальными ресурсами и человеческо-трудовыми резервами. Сейчас, после мировой войны и революции, когда Европа дымится пожарищем катастрофы, здесь, на Дальнем Востоке, можно наблюдать зарю этого будущего восточного полушария.

Здесь завязывается сложный узел международных отношений тихоокеанского бассейна, который, может быть, придется впоследствии так же, как и на Западе, разрубать мечом...

Дальневосточный буфер.

Два года тому назад, когда начала намечаться тенденция Москвы к образованию на Дальнем Востоке демократической республики, для того, чтобы предотвратить невыгодное тогда для РСФСР столкновение с Японией, японский чрезвычайный посол Мацудаира обратился ко мне с вопросом:

— Какие цели преследует Москва, давая согласие на образование Дальне-Восточной республики?

Ответ был такой: «Советская Россия стремится создать такую зону, где капиталистические государства имели бы возможность получить привычные для них условия, способные облегчить установление нормальных торговых отношений».

В 1920 году Советская Россия имела много слабых мест на своих окраинах, где шла ожесточенная борьба; но самым слабым местом был Дальний Восток. Здесь РСФСР уперлась в наследие империалистической политики царской Рос-

сии, которая в своем бешеном беге к берегам Тихого океана на протяжении столетий умудрилась захватить огромную территорию, но не сумела справиться с поглощением этой территории путем колонизации.

В результате получилась огромнейшая территория, способная вместить в себя добрую половину Европы, но население которой не превышало цифры населения средней губернии Европейской России. 1,5—2 милл. душ. Но, мало этого, царская Россия в своем непомерном аппетите широко размахнулась и дальше... в отношении Манчжурии, где была создана Китайско-Восточная жел. дор., и поставлена была ставка на укрепление нашего влияния в Манчжурии.

Вот с этим-то наследием и пришлось столкнуться Советской России на Дальнем Востоке в тот момент, когда она истекала кровью в тяжелой борьбе на Западе. То было накануне борьбы с Польшей. Советская Россия не могла дать ни одного красноармейца, ни одного паровоза и вагона за Байкал.

А мог ли Дальний Восток своими силами вступить в борьбу с Японией?

Самые зазорные головы признавали, что для полутора миллионов населения Дальнего Востока не под силу борьба с семидесятьмиллионной Японией, к тому же вооруженной до зубов. Реальное соотношение сил на Дальнем Востоке предопределило то вынужденное необходимою соглашени-е, которое и породило Дальне-Восточную республику с ее «учредительным собранием», конституцией, границами и всем, чем полагается располагать в таких случаях «демократической республике».

ДВР существовала два года. За это время она успела сделать многое в деле своего внутреннего укрепления, а, главное, она оказалась удачно-упругим буфером, который скрипел, порой немного гнул-ся, но «буферил» и устранил столкновение на Дальнем Востоке.

Сейчас шутники, расшифровывая ДВР, смеются, называя последнюю «довольно веселой республикой». Но для того, кто помнит борьбу, которая шла в Приморье и на Амуре вокруг вопроса: быть ли «буферу» на Дальнем Востоке, или здесь должна быть честная Советская власть, компромиссный буфер приобретает далеко не веселый характер.

Как сейчас помню ту оппозицию, которая, под руководством покойного Сергея Лозо, была устроена во Владивостоке по вопросу о буфере. Победители только что возвратились с сопок с дымящимися винтовками, где боролись за Советскую власть, и могли ли они без боя отказаться от водворения ее, когда они сбросили в Тихий океан атаманщину Приморья?

Нет, конечно. И я понимал их, когда, тем не менее, выполняя директиву Москвы, должен был рекомендовать им воздержаться от советизации Владивостока. Только два аргумента помогли тогда идее «буфера» — приказ Ильича и японский переворот 5 апреля, которые заставили рабочих и крестьян Дальнего Востока принять «буфер».

«Буфер» в «буфере».

Однако, никакие демократические гарантии не помогли удержать Владивосток за ДВР. И основная причина, на мой взгляд, была в том, что, если задача Дальне-Восточной республики была — путем компромисса устранить столкновение, изжить союзническую интервенция и стать твердой ногой на побережье Тихого океана, то основная задача Японии заключалась в том, чтобы отбросить русских от тихоокеанского побережья и поставить последнее под контроль Японии.

А поскольку лицемерная политика Японии привыкла обдирать все делишки чужими руками, — выплыл на сцену тот черный «буфер» Спиридона Меркулова, который и превратился в осиное гнездо дальне-восточной контр-революции.

Многочисленные запасы товаров, находившиеся во Владивостокском порту, дали материальную базу для «черного буфера». Отсюда делались попытки свалить ДВР, как это было с наступлением на Хабаровск. Отсюда же сделана последняя попытка пустить в Забайкалье генерала Шильникова, одного из сподвижников атамана Семенова, с бандой белогвардейцев, для того, чтобы, опираясь на сеть белогвардейских организаций, взорвать ДВР изнутри.

Это была последняя ставка Меркуловых, предпринятая из расчета, что этим удастся отсрочить эвакуацию японцев из Приморья. Ставка эта, так же, как и предыдущая, ока-

Старики китайцы.

Китайский базар.

залась битой. В момент моего приезда шильниковские подручные успешно вылавливались; среди забайкальского казачества, на которое делались расчеты, это предприятие сочувствия не встретило.

С другой стороны, нужно признать, что «черный буфер» сыграл некоторую полезную роль в качестве «оттяжного пластыря», который оттягивал на меркуловский Владивосток всю контр-революционную пакость, очищая, до известной степени, организм ДВР от вредных элементов.

И чем больше собиралось этой мерзости в самом Владивостоке, тем сильнее там происходил процесс разложения и развала контр-революции на Дальнем Востоке.

Владивосток последних дней—это худшая из «мексик», сплошь состоящая из переворотов и недоворотов, где герои дальне-восточной реакции настолько утратили человеческий облик, что даже нетребовательные японцы потеряли веру в своих приказчиков и сейчас готовы бросить их на произвол судьбы.

Но если черный меркуловский «буфер» ставится сейчас под сомнение, то идея «буфера» в Приморье отнюдь не сходит на-нет. Находятся другие претенденты — сибирские областники, которые не прочь взять Владивосток и Приморье себе на кормление.

Эта разновидность сибирской контр-революции пытается построить «буфер» в Приморье на, так сказать, договорных отношениях, сроком на три года, при взаимных гарантиях. Т.-е. они хотят получить обязательство, что их признают, им помогут, а они будут управлять Приморской, Сахалинской и Камчатской областями. Словом, ловкие ребята ищут для себя теплого местечка и не прочь сесть на место Спиридона Меркулова.

Есть во Владивостоке еще одна группировка, которая до сих пор имела, так сказать, руководящее значение в приморских делах—это капшелевцы. Это те остатки разбитой в свое время колчаковщины, которые оказались заброшенными на берегам Тихого океана и здесь сейчас служат орудием в руках черных политиканов. Что будут делать они после эвакуации японцев, — это вопрос, который представляет острый интерес для всех, кто внимательно следит за приморскими делами.

У капшелевцев два пути: один путь—капитуляция, другой путь—борьба и, следовательно, новые авантюры.

Но какой бы путь они ни избрали, тем не менее приморский буфер должен будет кончить свое существование, и ДВР, вероятно, на этот раз станет прочной ногою на побережье Тихого океана.

Роль Японии на Дальнем Востоке.

Япония действует на Дальнем Востоке по праву сильного, при чем действует, не стесняясь, напористо и почти всегда по заранее намеченному плану.

Свою агрессивность Япония мотивирует необходимостью получить место под солнцем. Япония растет, на островах же тесно, поэтому взоры японцев невольно тянутся к азиатскому материку. Тем более, что на этом материки живут тоже желтые, и Япония считает, что если другим позволено строить свою великодержавность и могущество над белыми и черными, то желтые народы должны принадлежать Японии.

В прошлом Япония на пути своих притязаний в Восточной Азии встретила Россию, которая долгое время тегировала Японию и угрожала ей оружием, пока это оружие не было выбито на манчжурских полях.

Поэтому неудивительно, что вся японская политика, все ее планы до настоящего времени строятся на двух основных принципах: обессилить Россию на Дальнем Востоке и создать изоляционный барьер между Россией и Китаем. И первое, и второе необходимы Японии для того, чтобы обезопасить себя и гарантировать прочность своего влияния на основную массу желтого населения Восточной Азии—Китай.

В учете международной обстановки Япония полагала, что союз с Англией дополнит основные тенденции ее политики на Дальнем Востоке.

Но, к своему несчастью, Япония проглядела рост и значение Америки, и сейчас только она прямо лбом стукнулась в это препятствие, которое вверх ногами перевернуло весь японский план действия, заставив Японию вновь перестраивать свои предположения.

Америка сейчас гонит Японию из Китая, Америка не хочет усиления Японии за счет Дальнего Востока, — таковы

основные тенденции американской политики в отношении Японии сейчас.

Японский империализм попал в тупик. Открыто сопротивляться и идти на вооруженный конфликт с Америкой Япония, видимо, не может, а потому и не хочет острых осложнений. Остается одно—упорно сопротивляться своему вытеснению из Манчжурии, которая одновременно прикрывает Корею, является богатой базой и может быть буфером—барьером между Россией и Китаем.

С другой стороны, сейчас Япония начинает понимать, что в своих отношениях к России и ДВР она перегнула палку и упустила момент, когда она могла бы обезопасить себя с этой стороны. Поэтому, японская непримиримость к Советской России начинает сменяться стремлением начать переговоры с последней.

В качестве основной предпосылки Япония заявляет о своем желании эвакуировать свои войска из Приморья. Сейчас об этом заявлено официально советом министров Японии. Сроком, когда должна закончиться эвакуация, назначен конец октября.

Уйдут ли японцы из Приморья? Думается, что на этот раз уйдут, но стратегически это вряд ли изменит общую обстановку. Они, вероятно, усилят свои гарнизоны в Манчжурии, по соседству с Приморьем, ибо вряд ли Япония откажется от своей основной задачи—обезвредить русских на тихоокеанском побережье.

Япония, Америка и Китай.

Будущий историк когда-нибудь отметит переживаемый нами момент, как один из захватывающих драматических эпизодов Восточной Азии.

Идет глухая, скрытая борьба за гегемонию на восточно-азиатском материке. Борются два гегемона тихоокеанского бассейна—Япония и Америка. Прямым объектом является Китай.

Борются две тенденции. Первая—Япония, которая рассматривает Китай, как источник сырья и живой силы. На этой базе маклерский японский капитализм рассчитывает построить будущее благополучие островной Японии. Другая—

Америка, которая видит в Китае огромный по своей емкости рынок для американской индустрии. Китай, в представлении американца, будущая полуколония американского капитала, — в этом направлении работают жернова американской политики, перемалывая на своем пути все препятствия, которые встречаются.

С другой стороны, Америка не прочь организовать Китай настолько, чтобы он был в состоянии ударить в нужный момент в тыл Японии и этим самым помочь Америке устранить своего конкурента.

Япония долго и упорно работала в Китае, расставляя вежи своего будущего влияния. Если ее гарнизоны, расположенные во всех важных стратегических пунктах были реальной силой, при помощи которой Япония близоруко надеялась укрепить свое влияние в Китае, то те займы, которые Япония давала Китаю, должны были опутать последний по ногам и рукам.

И вот сейчас и то, и другое идет на смарку. При помощи вашингтонской конференции Америка поставила вопрос об эвакуации иностранных гарнизонов из Китая, — больше всего этого удар направлен против Японии. В вопросе о займах Америка выдвинула проект консолидации всех японских краткосрочных займов и превращения их в долгосрочный за счет Америки.

Тенета японской политики рвутся под напором американского кулака. Японские империалисты в бешенстве, но они бессильны даже сказать об этом громко. Япония одинока сейчас в Тихом океане, у нее нет союзников, у нее есть только враги. Она изолирована. Англо-японский союз лопнул, как мыльный пузырь, проткнутый иглою вашингтонской конференции. И даже больше: мало-по-малу из бывшего друга Англия превращается во врага Японии. Достаточно посмотреть на ту ожесточенную кампанию, которую вел в последнее время лорд Нордкиф, чтобы видеть это.

Пробовала Япония ориентироваться на непримиримейшего из империалистов современности — Францию, но из этого практически ничего не вышло. С каждым днем Япония все глубже и глубже влезает в тупик собственной изоляции.

Между тем, Китай начинает учитывать благоприятную обстановку борьбы двух империалистов и пытается на вза-

имных противоречиях этих двух хищников построить свою политику консолидации своих сил и национального раскрепощения.

Узел борьбы сейчас завязался в Манчжурии. Япония

Китайчата.

потерпела крах со ставкой на Чжан-Цзо-лина (губернатора трех провинций Манчжурии), как на претендента на пекинский престол. Но Япония употребила все усилия для того, чтобы помочь удержаться ему в Манчжурии. Но,

если пребывание Чжан-Цзо-лина в Манчжурии выгодно Японии, то этого нельзя сказать ни про американцев, ни даже про Китай, в лице его современного правительства, сидящего в Пекине.

Отдать Манчжурию Японии—это предоставить ей базу для будущих враждебных действий против Пекина—перспектива, которая мало улыбается националистам-китайцам, которые ненавидят Японию. Для американцев это просто нежелательная возможность усиления Японии, чего они не хотят допустить. Отсюда намечается перспектива новых осложнений, приуроченных непосредственно к Манчжурии.

Америка имеет определенную тенденцию к утверждению своего влияния в Манчжурии, рассматривая последнюю, как тыл Японии. Исходной точкой своего утверждения Америка намечает Китайско-Восточную жел. дорогу. Проекты интернационализации этой дороги, попытки американского займа, наконец, последние домогательства инженера Стивенса, организация международной охраны этой дороги—это все вещи одного и того же порядка.

Манчжурия—лакомый кусок, вокруг которого сейчас идет подготовка к ожесточенной борьбе.

Манчжурская проблема и Советская Россия.

Манчжурия—это для России наследство империалистической политики царской России. По примеру других империалистов, она тоже влезла в Китай, забила сотни миллионов на железную дорогу, развернула колонизаторскую политику в полосе отчуждения Китайско-Восточной жел. дор., а теперь результаты этой колонизаторской деятельности приходится расхлебывать Советской России.

Сейчас в полосе отчуждения Китайско-Восточной жел. дороги насчитывается до 400 тысяч русского населения. По существу, это одна из самых многолюдных иностранных колоний в Китае, если не считать японские колонии в Корее и Южной Манчжурии.

И трагизм положения заключается в том, что колония эта представлена как-раз такими элементами, которые способны культивировать все до худшее, от чего отеклась Советская Россия.

Спекулянты, контр-революция всех мастей и группировок—вот, кто дает тон в полосе отчуждения. Они, колонизаторы в прошлом, кричат о своих исторических заслугах в деле колонизации в Китае и сейчас. Это пугает карты, это создает неразбериху, ибо декларации Советской России об отказе от захватнической политики царизма по существу аннулируются житейской практикой разного рода «харбинцев», которые не прочь за свой счет и риск продолжать колонизаторскую политику царизма.

Советская Россия предложила Китаю урегулировать вопрос о Китайско-Восточной жел. дороге, но этот вопрос так и остается неурегулированным, потому что слишком много посторонних влияний, и слишком слаб еще Китай для того, чтобы освободиться от них.

Если харбинские колонизаторы из стаи черных напрягают все усилия к тому, чтобы не допустить переговоров между Китаем и Советской Россией по вопросу о Китайско-Восточной жел. дороге, то подобного же рода атаки ведут с двух сторон Америка и Япония.

Причины ясны,—на них мы указывали выше. Китайско-Восточная жел. дорога имеет стратегическое значение, и это чрезвычайно ясно оценивают, как японцы, так и американцы, ревниво следящие друг за другом.

Интересна в этом вопросе роль Китая. Он вполне четко поставил себе задачу китаизации дороги. Лавируя среди разнообразных домогательств, китайцы шаг за шагом стремятся подготовить переход дороги под непосредственное свое управление. Эта политика очень решительно проводится новым председателем правления, китайским инженером Ваном.

И это вполне понятно, ибо одно из двух: или Россия при помощи Китайско-Восточной жел. дороги должна была захватить у Китая Манчжурию, или, рано или поздно, дороге нужно передать хозяину; третьего нет. Вздор, конечно, все разглагольствования, что китайцы сами не смогут справиться с дорогой,—стоит посмотреть на другие китайские железные дороги, чтобы убедиться, что китайцы обслуживают эти дороги отнюдь не хуже, чем, положим, русские обслуживают Китайско-Восточную жел. дорогу.

Дорога сейчас переживает кризис, корни которого ле-

жат в той ненормальной обстановке, которая имеет место в гражданской войне, как на территории русского Дальнего Востока, так и в Китае. Закупорка дороги со стороны выхода ее во Владивостокский порт и сокращение грузооборота в целом привели дорогу в тупик задолженности, что еще более осложняет вопрос с Китайско-Восточной жел. дорогой, ибо это дает повод, как Америке, так и Японии, подсовывать проекты займов под дорогу.

Но, как бы ни был решен вопрос о Китайско-Восточной жел. дороге, вопрос о русской колонии в Манчжурии еще надолго останется проблемой. Рассосаться и быстро изжить себя она не сможет. Вероятно, отказавшись от спекулятивного бытия, каким живет в настоящее время русское население, оно должно будет органически срастись с экономикой Манчжурии или же принуждено будет покинуть Манчжурию.

Японская интервенция.

Когда же уйдут японцы? Вот вопрос, который сверлит мозг русских на Дальнем Востоке.

На самом деле, это основной фактор всей дальне-восточной действительности. Он является предпосылкой гражданской войны, он был причиной образования буфера; этот же факт не дает войти хозяйственной жизни Дальнего Востока в нормальное русло.

Вообще, японская интервенция является пробкой, которая закупоривает Дальний Восток.

Японцы очень долго отказывались сказать свой ответ на этот вопрос, отделяваясь разного рода фразами относительно «своих интересов», «резидентов» и т. п. мало вразумительных благоглупостей, ибо у всех есть резиденты, и кто не имеет интересов!

Но всему бывает конец. Такой конец должен наступить и для японской интервенции. В значительной мере этому содействует та внутренняя реакция, которая нарастает внутри самой Японии. Интервенция не дала тех результатов, которые сулили японские империалисты, т.-е. установления прочного владычества Японии на русском Дальнем Востоке. Вместо выгод, Япония получила один только убыток. Вме-

сто прочности владения—постоянную угрозу со стороны партизанского движения.

Попытка поставить вопрос умирения в такую плоскость, как это делалось в Корее, не удалась: мешали ревнивые взоры Америки и других, кто имел основание зорко следить за Японией.

Недовольство политикой интервенции в Японии росло, но отказаться от этой политики было не легко, поскольку она поддерживалась военными кругами Японии, а последнее, как известно, в японской действительности играют решающую роль.

Нам пришлось еще в 1920 году наблюдать эту рознь между дипломатическим представителем Японии во Владивостоке Мацудаёрой и дипломатической частью штаба японских экспедиционных войск в Сибири, которая вела вполне самостоятельную линию и старалась всегда официальную дипломатию ставить перед совершившимся фактом.

Сейчас золотой запас Японии тает, в стране все больше и больше дает себя чувствовать экономическая депрессия. Между тем, расходы на содержание оккупационных войск растут, отягощая бюджет Японии. После Вашингтона для Японии становится все более и более ясно, что Америка не даст ей сделать в Приморье того, что она хотела бы. Что скорее, наоборот, воспользовавшись удобным моментом, Америка, вероятно, присоединит свой голос к требованию прекращения японской интервенции на Дальнем Востоке.

Вот эти-то обстоятельства и привели Японию сейчас к необходимости заявить, что она эвакуирует свои войска из Приморья, и что конечным сроком она назначает для эвакуации октябрь месяц.

Выше мы отмечали, что ликовать по этому поводу преждевременно, ибо заявить об эвакуации—это одно, а осуществить эвакуацию—это другое. Кроме того, эвакуацию из Приморья надо рассматривать в общей дальне-восточной перспективе, где в расчет следует принимать Манчжурию, Корею и проч., что сейчас находится под пятой Японии.

Но во всем этом важно одно—произошел сдвиг. Япония пришла к необходимости поставить вопрос об эвакуации. Какие бы силы сейчас ни противодействовали,—это будет

обозначать только замедление эвакуации, но последняя, все-равно, должна быть произведена.

Дальний Восток, наконец, получит освобождение от японской пробки. А вместе с этим начнется процесс ликвидации черного буфера во Владивостоке ¹⁾.

Проблема колонизации на Дальнем Востоке.

Малонаселенность Дальнего Востока—одно из больших мест дальне-восточной действительности. Огромная территория, слабая плотность населения—характерная особенность Дальнего Востока.

По произведенному недавно подсчету населения Д. В., оно в общих чертах представляется следующим: сельского: в Забайкальской области (не считая части, отошедшей к Советской России)—648.400 душ, в Амурской—261.400, Приморской — 873.700, Сахалинской — 12.000, Камчатской—30.000, а всего—1.325.500 душ; не-сельского: в Забайкальской области—168.200, Амурской—120.800, Приморской — 268.200, Сахалинской—13.500 и Камчатской—3.100. Всего—568.400. А по всему Д. В.—1.893.900 душ.

Если к этому прибавить еще около 400.000 душ русского населения в полосе отчуждения Китайско-Восточной жел. дороги, то это будет представлять полную наличность русского населения на Дальнем Востоке. Нужно ли говорить, как это мало?

Но эта колонизационная беда свойственна не только России. Ею страдает и Япония, и даже Китай. По существу Манчжурия, особенно северная, для Китая тоже колония, где стоят колонизационные задачи. О Японии и говорить не приходится, ибо Южная Манчжурия и Корея—это предмет колонизационных задач Японии. Но и здесь тоже с колонизацией обстоит далеко не блестяще.

Причин много. Южная Манчжурия удобна для японской колонизации, как по своим климатическим условиям, так и по тем экономическим перспективам, которые возможны

¹⁾ Наши предположения оправдались. Япония принуждена была эвакуировать свои войска с русского Дальнего Востока, за исключением, впрочем, северного Сахалина. Уход же японских войск вызвал естественный процесс советизации Дальнего Востока.

здесь. Но тут Япония сталкивается с встречным потоком китайской колонизации, и это является основным препятствием японской колонизации в Манчжурии. В Корее Япония хозяйничает при наличии осадного положения—это, вероятно, и является причиной того, что японцы пока очень малочисленны в Корее.

Что касается русского Дальнего Востока, то здесь климатические условия мало благоприятны для жителей островов страны Восходящего Солнца, и колонизационная практика японцев до сих пор успеха не имела.

Пути японской колонизации лежат на юг. Их внимание привлекают Филиппины, но там становится твердой ногой Америка. Японцы не прочь помечтать о Китае, но и тут они находят много препятствий. Вот почему в общем комплексе политической деятельности колонизационный вопрос является одной из сложнейших проблем Дальнего Востока, которая ждет своего разрешения.

ГЛАВА II.

Старый и Новый Китай.

Когда-то Китай пытался отгородиться от остального мира толстой стеной, которой он окружил себя словно поясом. Была ли это необходимость защиты от диких кочевников, которые угрожали тысячелетней культуре Китая из степей Монголии, или это было высокомерие и презрение тысячелетней культуры к варварству, от которого Китай думал замкнуться?

Прошли века. Китайская стена пробита во многих местах, она превратилась в исторические руины, которые порой горделиво громоздятся по отрогам горных хребтов, отделяющих «собственный Китай», или, как его называют, «застенный Китай», от его колониальных владений—Монголии, Манчжурии, Китайского Туркестана и др. обширных территорий.

Толстая китайская стена не спасла его от чужеземного вторжения в прошлом, когда те же монголы и манчжуры попеременно захватывали власть в Китае, основывали свои династии и столетиями хозяйничали в нем.

Не спасла эта стена и от вторжения иностранного капитала, который пришел в Китай и сейчас хозяйничает там, переустривая седой Китай на свой лад.

Китайская стена—символ пассивности Китая. За этой стеной миролюбивый китаец думал отсидеться от всех невзгод, которые несла ему его многолетняя история.

И любопытно, что Китай не только внешне отгородился стеной, нет, весь уклад китайской жизни носит «застенный» характер. Китай окружен великой стеной, каждый китайский город окружен своей стеной, и каждый китайский дом в городе тоже огорожен высокой стеной, которая не дает воз-

На кухне.

Игра в кости.

возможности видеть постороннему наблюдателю жизнь китайской семьи.

Если бы когда-нибудь задалась мысль разгородить китайскую действительность от ее стен, то из материала, вероятно, можно было бы сложить новую стену, опоясывающую весь земной шар и способную, во всяком случае, отделить восточное полушарие от западного.

Но рушится эта великая китайская стена.

С каждым днем увеличивается длина стальных рельсов, связывающих окраины Китая с его жизненными центрами. Вторгнувшийся в безмятежный старый Китай капитализм создает новые отношения, ломает старый уклад китайской жизни, ставит с головы на ноги экономическую действительность Китая, порождая новые понятия, новые устремления и чаяния подрастающего поколения.

Старый Китай умирает, уступая свое место новому, молодому Китаю.

А молодой Китай с задорным любопытством высовывается за китайскую стену косности прошлого, внимательно приглядывается к тому, что делается на белом свете, учится и все больше и настойчивее пытается взять на себя роль реконструктора Китая.

Растут силы молодого Китая, с каждым днем увеличиваются кадры его работников, воспитанных в Европе и Америке. Они несут с собой в Китай новые идеи, новые навыки и методы работы. Они организуются внутри Китая, консолидируя свои силы.

Но старый Китай тоже не желает сдавать свои позиции без боя. Он мобилизует свои силы и стремится противопоставить себя новому Китаю.

Идет борьба, исход которой не трудно предрешишь: дряхлый старый Китай должен будет уступить свои позиции молодому и здоровому противнику.

Эти мысли невольно приходят, когда въезжаешь в застенный Китай, когда мчишься по китайским железным дорогам на паровозе, управляемом китайцем-машинистом, когда видишь юную, полную жизнерадостности, деловой энергии и инициативы китайскую учащуюся молодежь и когда начинаешь сравнивать два жизненных центра современного Китая—Пекин и Шанхай.

Парикмахер.

Китайская запряжка.

Пекин—столица Китая.

Вместе с тем, он—символ старого Китая.

На этом древнем городе, почти сплошь состоящем из памятников прошлого, лежит печать величия, которого достиг Китай.

Храм Неба, храм Голубого Облака, Запретный Дворец—все это подавляло своим величием и грандиозностью замысла. Огромные пространства, закованные в гранит и мрамор. Бездна человеческого труда, затраченного на возведение этих грандиозных построек, может иметь сравнение, вероятно, с грандиозными сооружениями египетских пирамид и строительством Рима. Большие площади, закованные в гранит и опоясанные массивными стенами,—вот общие впечатления, когда, впервые осматриваешь Пекин.

«Запретный город», «Город манчжур»—все это напоминает о недавних временах владычества династии манчжуров, последний представитель которых еще продолжает жить в части запретного города, получая цивильный лист от китайской республики.

Свыше трехсот лет господствовали манчжуры над китайцами. Они в конце-концов пали под ударами китайской революции, но печать их владычества оказалась прочно положенной на Пекин. Больше количество памятников Пекина—памятники о владычестве манчжуров.

Но самым грандиозным памятником, который после себя оставили манчжуры,—это тот бюрократический аппарат—мандаринат, который лучше и больше всего характеризует старый Китай.

Революция смела династию манчжуров, но сама попала в цепкие лапы мандарината и была жестоко искалечена в его руках. Мандаринат крепко уцепился за власть и на протяжении уже одиннадцати лет судорожно цепляется за нее. Нет кос, которые отрезала китайская революция, нет мандаринских шариков; но остались сами мандарины, и современный Пекин—город мандаринов, город прошлого.

Пекин—официальная столица Китайской республики.

«Для удобства официальных сношений» великие и малые европейские державы, заинтересованные в расхищении богатств Китая, забрались в самое его сердце, в бывшую за-

претную часть Пекина, и здесь создали свой город-крепость, которая окружена рвами и стенами, из бойниц которых выглядывают жерла пушек и пулеметов.

Эта крепость зовется «Посольский квартал».

Нет злейшего врага для молодого Китая, чем этот «Посольский квартал» Пекина, который опутал Китай паутиной кабальных договоров и унижительной опеки. Но старый Китай блокируется с этим иностранным кварталом в своей борьбе с революцией—молодым Китаем.

Продажный китайский мандаринат, развращенный до мозга костей в борьбе за власть, не останавливается перед открытою изменою своей стране и народу. Уже давно мандаринат разучился самостоятельно управлять страной, ибо к каждому из мандаринов приставлен «советник» из иностранцев, который и диктует волю «Посольского квартала» своему опекаемому сановнику.

Но и здесь молодой Китай ставит свои укрепленные форты, из которых он ведет борьбу за лучшее будущее Китая. Такими фортами в Пекине являются два университета и те из высших и средних учебных заведений, в которых родилось китайское студенческое движение.

Студенчество и вообще китайская молодежь из университетских аудиторий несет живую струю общественности на пекинские площади и в центральный парк и этим оживляет мертвечину бюрократического спокойствия официального чиновничьего Пекина.

Шанхай—экономический центр.

В противоположность мертвому официальному Пекину, Шанхай — живой торгово-промышленный центр Китая, с огромным населением, превышающим два миллиона душ, поражает своим шумом, деловой оживленностью.

Шанхай—порт мировой торговли. Общий тоннаж всех кораблей и судов, зарегистрированных в 1920 году в шанхайском порту, превышает 22 милл. тонн.

Шанхай господствует над меновым оборотом всей долины реки Ян-Цзы, с населением в 200 миллионов человек. Об этом свидетельствуют тысячи китайских джонок, пароходов и судов, которыми запружены устье Ян-Цзы и река Ван-пу,

на которой расположен Шанхай. Из всего почти срединного Китая в Шанхай выбрасываются сырье и китайские изделия с тем, чтобы отсюда экспортироваться на мировой рынок.

Торговые обороты Шанхая в 1922 году исчислялись в 841 миллион таэлей. Но Шанхай не только торговый центр, он с каждым днем все больше и больше превращается в промышленный центр, где уже сейчас имеется 200-тысячная армия фабричных рабочих, не считая огромных масс китайцев «кули», выполняющих черную работу.

Если из всего тоннажа шанхайского порта на долю самого Китая приходится только 18½ проц., а остальное принадлежит кораблям империалистических государств, то и в промышленности Китай тоже пока еще занимает скромную долю в общей сумме производства.

Но процент китайской доли в производстве неуклонно растет. Ибо китайцы оказались довольно способными учениками своих учителей и быстро усваивают выгоды и преимущества организации производительных сил Китая своими средствами и силами. Они видят, что иностранный предприниматель пользуется их сырьем и трудом, прилагая свои капиталы за баснословные проценты предпринимательской прибыли, и по мере накопления и концентрации туземного капитала стремятся использовать организационный опыт иностранного капитала.

Я много слышал о китайской промышленности, но действительность превзошла все мои ожидания, когда мне удалось посмотреть на шанхайскую промышленность на месте. Огромные фабрики с тысячами рабочих, оборудованные по последнему слову техники, почти без единого европейца, управляемые исключительно китайцами, — они наглядно свидетельствуют о возможностях экономической эмансипации Китая от иностранцев.

Особенно рельефно заметно это в текстильной промышленности, которая, кстати сказать, вообще гигантски расцвела в Китае. В 1891 году в Китае было всего две фабрики с 65.000 веретен, в 1921 году фабрик уже насчитывалось 63 с 1.749 тыс. веретен. Сверх того, Китай имеет свыше десяти тысяч машинных ткацких прядилок.

Шанхай окружен пригородами, где высятся фабричные

трубы, стучат паровые машины, и льется пот китайских пролетариев, получающих жалкую плату за свой каторжный труд. Здесь наряду с иностранной эксплуатацией дешевого китайского труда идет и туземная эксплуатация китаица ки-

Шанхай ночью.

Фабричная часть Шанхая.

тайцем. Здесь происходит накопление китайского туземного капитала и рост китайской буржуазии.

И действительно, Шанхай—это «столица» китайской торгово-промышленной буржуазии, которая отсюда командует

всей экономической жизнью Китая. Шанхай—банкир и посредник для всего Китая, Шанхай—основной регулятор цен, Шанхай—дверь на мировой рынок, которой не минуешь.

Растет китайская буржуазия. В процессе роста она оформляет себя как класс, растет ее классовое самосознание, которое толкает ее на организацию своих сил. Наряду с классовым самосознанием растет также и национальное самосознание китайской буржуазии. Она противопоставляет себя иностранному капиталу и подготавливает позиции для своей борьбы с ним.

Боевыми органами китайской буржуазии являются торговые палаты, из которых первое место, безусловно, принадлежит шанхайской торговой палате, которая не только зорко следит за интересами китайского капитала в отношении к иностранному конкуренту, но и обнаруживает тенденции к участию в политической жизни страны.

С другой стороны, под крышами этих фабричных корпусов растет и антипод китайской буржуазии—китайский пролетариат. Он забит, темен, его беспощадно эксплуатируют, но его классовая природа берет свое. Он тоже находит пути к осознанию своих интересов и даже организации своих сил для борьбы в первую очередь за экономические интересы: повышение заработной платы и сокращение рабочего дня. Об успехах его организации лучше всего свидетельствуют те забастовки, которые сделались сейчас бытовым явлением китайской действительности.

Неудивительно поэтому, что Шанхай в противоположность мандаринскому Пекину символизирует молодой капиталистический Китай, который идет на смену старому Китаю.

Шанхай — большая капиталистическая лаборатория. Шанхай—боевой форпост новых сил китайской общественности. Здесь находятся боевые органы китайской печати; здесь находят приют радикальные элементы Китая, отсюда тянутся нити многих прогрессивных идей, имеющих конечной целью реконструкцию пробуждающегося Китая.

Пекин и Шанхай—это две противоположности современного Китая, которые ненавидят друг друга и находятся в вечной оппозиции.

«Застенный» седой Пекин кичится своим прошлым перед молодым и шумным капиталистическим Шанхаем сегодня.

нышнего дня, но будущее, конечно, за Шанхаем. И, конечно, не старый мандаринат, а молодая энергичная китайская буржуазия будет в Китае хозяином завтрашнего дня.

Борьба за молодой Китай.

Китай многолюден. Его население не нашло своего счетчика. Сами китайцы, так, на-глаз прикидывая, говорят, что их, примерно, насчитывается, от 400 до 600 миллионов.

В настоящем своем виде Китай—поистине, резервы человечества.

Но кто использует эти резервы,—вот вопрос?

Претендентами на их использование на наших глазах выступают Япония и Америка.

Первая претендует по праву своего азиатского происхождения и непосредственной близости к Китаю. Успехи капиталистического развития своей страны вскружили голову японскому империализму. Он почувствовал себя призванным стать во главе всех желтых народов азиатского материка и противопоставить желтую Азию зазнавшейся Европе.

На этом была построена вся политика Японии последних десятилетий. Методически, с упорством, достойным лучшего применения, Япония обрабатывала Китай, расставляя вехи своего влияния. Но Китай был слишком велик для маленькой Японии. И чем больше Япония лезла в Китай, тем больше ей приходилось сознавать свое бессилие и микроскопичность для осуществления грандиозной задачи подчинения многомиллионного Китая своему влиянию. У нее не хватало капиталов для экономического закабаления и эксплуатации его, у нее было слишком мало техники и культуры, чтобы взять на себя миссию реформаторов Китая.

И чем больше Япония это сознавала, тем больше она приходила в бешенство и скатывалась на путь откровенного грабежа в Китае. А это привело к тому, что имя Японии стало синонимом самого ненавистного в глазах китайца.

Да и на самом деле, что могла дать карликовая Япония гиганту-Китаю? Одно разве—беспощадную эксплуатацию его сырьевых богатств, но просыпающаяся китайская буржуазия была отнюдь не заинтересована в этом.

Не удивительно поэтому, что китайская буржуазия пер-

вая открыла поход против Японии. Достаточно припомнить историю бойкота японских товаров в Китае, чтобы понять сумму ненависти широких китайских масс ко всему японскому и ту ловкость и национальное чутье китайской буржуазии, которая сумела использовать эту ненависть в своих интересах.

Второй претендент, Америка, освободившись от участия в европейской войне, поставила вопрос о своей гегемонии в восточной Азии по праву наибольшего капиталистического развития. Китай для Америки емкий рынок для американских фабрикатов и огромная арена приложения гигантских скоплений капиталов, которые ищут для себя места.

Но Америка учла опыт своего конкурента. Она внешне соблюдает приличие, отказавшись от разбойничьих методов японского империализма. Америка орудует в Китае, что называется, в белых перчатках. У нее нет в Китае особых привилегий, она всегда отказывается от последних. Она держится политики усиленных заверений Китая в своей бескорыстной дружбе. И этим подкупает менее дальновидных китайцев.

Америка мечтает о бескровном завоевании Китая. Сейчас она поставила себе две задачи: вытеснение японского влияния из Китая и обработку общественного мнения в Китае в свою пользу.

Эта обработка китайской общественности ведется по-американски широко, при помощи печати, школ, больниц и др. учреждений в Китае, на что Америка не жалеет долларов.

Рокфеллер выстроил в Пекине огромный институт, стоящий миллионы. Сотни американских школ изо дня в день обрабатывают китайскую молодежь. «Союз христианских мальчиков» вколачивает в головы китайской молодежи мораль рабов и разные благоглупости об исключительно хороших качествах Америки и американцев. Сотни газет и газеток делают то же.

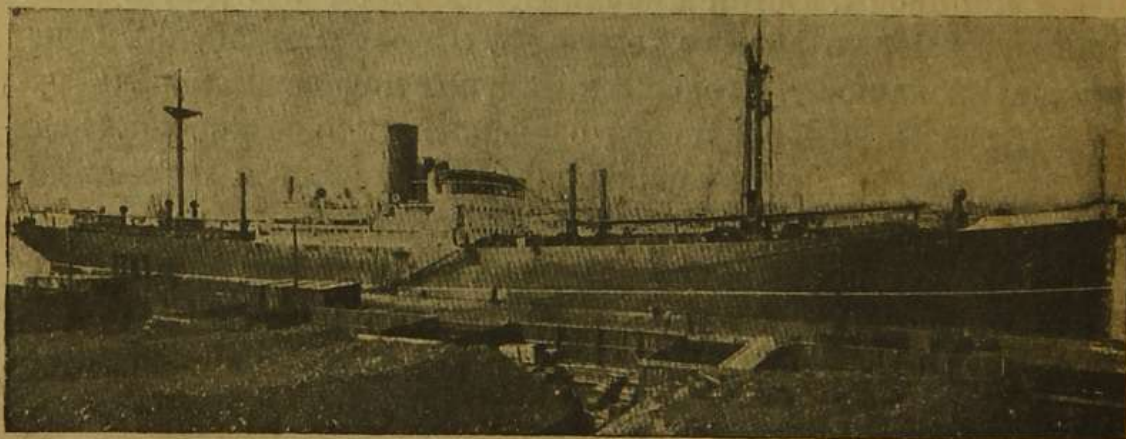
Америка поставляет миссионеров, учителей, врачей, инженеров, но еще в большей степени старается заманить китайскую молодежь в Америку учиться, где американизация китайцев идет уже по всем правилам искусства.

Этими путями Америка думает организовать свое влияние в Китае и таким образом осуществить то мирное завоевание Китая, которое поставлено ею в качестве сегодняшнего дня.

На базе этого внедрения американского влияния предпо-

Заседание Шанхайской Торгово-Промышленной палаты

В Китайском доке.

лагают разворачивать свою деятельность американский капитал, который ведет сейчас свое наступление на китайский рынок.

Япония говорила: Китай для Японии! Америка выбросила лозунг: Китай—экономическая колония Америки!

Русское влияние в Китае.

Как ни странно, но Советская Россия сейчас является самым серьезным соперником американского влияния в Китае.

У Советской России нет в Китае тех материальных ресурсов, которыми располагают там Япония и Америка. Она не тратит бешеных денег на укрепление своего влияния. У нее нет агентов, ибо всех подозреваемых в большевизме преследуют и изгоняют из Китая. Но, вместе с тем, Советская Россия привлекает к себе думы большей части молодого Китая, и это пугает и беспокоит претендентов на исключительное влияние в Китае.

Япония пыталась создать в Манчжурии и Монголии барьер, при помощи которого она хотела предохранить Китай от влияния русской революции.

Америка пытается дискредитировать Советскую Россию в глазах молодого Китая и этим парализовать русское влияние в Китае.

Но так давно, в апреле и мае, американцы, под флагом состязания в успехах знания английского языка, устроили дискуссию во всекитайском масштабе на тему: «Союз Китая и России».

Это была по-американски налаженная пропаганда против России. Американские профессора писали тезисы для диспу-тантов за и против. Причем эти тезисы были построены так, что выходило, что союз с Советской Россией ничего не принесет Китаю, ибо, сравнительно с Америкой, Россия бедная страна.

— Что может дать Китаю военный союз с Россией?—патетически спрашивали американские профессора.

И отвечали:

— Подсчет количества полевых пушек показывает, что у России их меньше, чем у Америки!

Вывод: для Китая выгоднее союз с Америкой.

И дальше:

— Что может дать Китаю торговый союз с Россией?

Ответ тот же, что относительно первого вопроса.

Так эти агенты американского капитала долбили изо дня в день, подготавливая диспутантов для генерального диспута, тщательно отбирая и сортируя свою паству от нежелательных элементов.

Но вот настал день диспута. В одной из больших аудиторий произносили заученные речи диспутанты перед широкой толпой китайского студенчества. Все шло гладко, американские профессора сияли.

Вдруг на эстраду вылезла маленькая фигурка, которая заговорила о том, что не в том дело, что у Америки больше пушек, товаров и золота, а суть в том, что в России революция, чего нет в Америке. И что Китай имеет с Россией то общее, что Советская Россия освободилась от иностранной опеки путем борьбы, а Китаю еще предстоит эта задача, и он хочет опереться на революционную Советскую Россию.

Бурными аплодисментами аудитория встретила эту живую отповедь американским проповедникам, которую дал представитель союза китайской социалистической молодежи.

Молодой Китай, не развращенный и не испорченный окончательно американской пропагандой, в своем большинстве за Советскую Россию. Ибо, что такое Америка для Китая? Угроза беспощадной эксплуатации. Россия же воплощение победоносной революции, примеру которой нужно следовать.

И молодой Китай отдает предпочтение последней, пусть она сегодня бедна, разорена, не способна дать тех материальных средств, которые обещает Америка. Но молодой Китай боится данайцев, дары приносящих. «Троянский конь», которого пытается втащить в Китай Америка, пугает китайцев, жаждущих национального возрождения Китая и освобождения его от иностранной опеки.

Ориентация на Советскую Россию в некотором роде противоамериканское противоядие, при помощи которого молодой Китай ведет сейчас большую внутреннюю борьбу в Китае.

Молодой Китай использует каждый повод для этой борьбы. Китайцы очень часто самостоятельно, по собственному почину, мылят голову неудачливым американским агентам. И делают это, видимо, с большим наслаждением.

Другой момент отношения молодого Китая к Советской России—это желание прийти на помощь в трудные для нее минуты.

Китайский комитет помощи голодающим России.

Передо мною председатель китайского комитета помощи голодающим России, представитель молодого Китая.

— Я лично, — говорит он, — провел свыше сорока митингов и собраний, посвященных делу помощи голодающим Советской России. Мы издали десятки названий брошюр, сотни листовок и плакатов.

— Кто же явился главным жертвователем? — интересуюсь я.

— Главным образом, китайская беднота. 80.000 долларов, которые мы собрали, составились, главным образом, из мелких отчислений интеллигенции, учащихся и рабочих.

Разговор дальше идет о том, как организовать отправку этих пожертвований голодающим в Россию.

Работа китайского Помгола России представляет исключительный интерес. И не только потому, что эта работа была проделана почти исключительно усилиями китайцев. Не только потому, что пожертвования собирались в Китае, который только что сам пережил величайший голод, унесший у него миллионы жертв голодной смерти.

Основной смысл проделанной работы лежал именно в тех сорока лекциях, которые прочитал председатель китайского Помгола России, в тысячах статей, напечатанных в китайской печати, сотнях тысяч плакатов, в фильмах, которые демонстрировались по Китаю, в демонстрациях и сборах, которые устраивались китайской молодежью.

«Россия и Китай—естественные друзья и союзники». «Китай должен помочь своему другу в несчастье», — вот те лозунги, под которыми была развернута огромная кампания китайским Помголом России.

Это чрезвычайно показательно. Это наглядно демонстрировало, что Советская Россия имеет надежного союзника в лице молодого, подрастающего китайского поколения и среди

представителей того прогрессивного Китая, который ценит значение русской революции и тех идей и принципов, которые принесены ею.

Вот передо мною плакат, на котором графически изображено: Шандунская железная дорога в несколько сот верст, за которую японцы сейчас требуют десятки миллионов выкупа, и Китайско-Восточная жел. дорога, почти в две тысячи верст, которая возвращается Советской Россией Китаю без выкупа.

Вывод предоставляется сделать китайцам, и они его делают в пользу Советской России.

ГЛАВА III.

На путях капиталистического развития.

Мне много пришлось слышать об успехах китайской крупной промышленности, о громадных капиталистических предприятиях, возникающих в последние годы в Китае исключительно на китайские капиталы, обслуживаемых исключительно китайским трудом и т. п.

Но, признаться, я скептически относился к этим рассказам, считая многое в них преувеличением. Поэтому, будучи в Шанхае, я, как Фома неверный, захотел «вложить персты свои» в китайскую промышленность и посмотреть на ее успехи своими глазами.

Наша шанхайская контора «Центросоюза», крепко вросшая в шанхайские промышленные и торговые дела, разыскала хорошего проводника-китайца, «компродора» одной из русских торговых чайных фирм в Китае, имеющего большие знакомства в китайском промышленном мире, и мы, под его руководством, двинулись на осмотр намеченных нами китайских фабрик.

Шанхай не только главнейший китайский торговый порт, но и центр нарождающейся китайской промышленности. Лес фабричных труб, который окружает Шанхай со стороны его пригородов, лучше всего говорит об этом глазу наблюдателя.

Особенно большое распространение в районе Шанхая получила хлопчато-бумажная ткацкая промышленность. На берегах великой китайской реки Ян-цзы выросли огромные каменные корпуса фабрик этой промышленности.

Китай при его сотнях миллионов населения огромный потребитель тканей. Иностраный капитал сначала ввозил европейскую ткань в Китай, но потом решил, что более выгодным будет привезти в Китай свой капитал и использовать местное сырье, дешевый труд и емкий рынок разом.

В результате — 63 хлопчато-бумажных фабрики с почти двумя миллионами веретен, из которых около 48 фабрик возникли при участии китайского капитала.

Наш автомобиль останавливается у канала, отделяющего европейский Шанхай от его фабричных пригородов. По ту сторону канала высятся серые здания фабричных корпусов. На воротах фабрик сияют золотом иероглифы, обозначающие название фабрик и фамилии владельца их.

На небольшой лодочке, лавируя между десятками джонок, мы переправляемся через канал и вступаем на территорию фабрики.

Огромное здание оборудовано по последнему слову европейской техники. Сотни машин, множество рабочих китайцев и китаянок; часто мелькают фигуры подростков и почти совсем детей.

— Эти тоже работают? — спрашиваю я у своего спутника, директора.

— Да, у нас их много, — отвечает он.

— А сколько всего рабочих на вашей фабрике?

— Около трех тысяч.

Я с большим любопытством вглядываюсь в этот кипащий рабочий муравейник, стремясь найти тут фигуру европейца, который управляет этими машинами, но нет, все китайцы, европейцев не видно.

— А есть ли у вас европейские инженеры? — задаю я вопрос.

— Сейчас нет.

Мне говорили о фабриках, на которых нет европейцев, но я скептически относился к этому. Теперь пришлось поверить. И это не исключение, наоборот, такая тенденция получает все большее и большее распространение. Здесь как бы начало эмансипации китайского капитала от чужеземной опеки, но больше, конечно, объясняется это тем, что подрастают свои кадры техников и инженеров, которые и являются, так сказать, приемниками своих европейских учителей.

Мы переходим в корпус красильного отделения фабрики.

Перед нами груды серого материала в кусках, подлежащего окраске. Несколько китайцев спивают куски на большой машине. Затем тянутся отделения для отбелки и промывки ткани, красильное отделение с большими чанами, отделение вальцевой просушки и, наконец, отделение, где готовая окрашенная материя складывается и отмеривается машиною в куски, подлежащие упаковке.

Всюду машина, всюду последнее слово европейской техники, и всюду китаец-рабочий, который ловко орудует около этих сложных машин.

Первая хлопчато-бумажная фабрика, оборудованная европейскими машинами, была построена в 1890 г., т.-е., иными словами, 31 год тому назад. Немудрено, что за этот срок вырасти не только кадры подготовленных фабрикою рабочих, но и свои китайцы-техники.

Я интересуюсь соотношением между количеством веретен, принадлежащих китайскому капиталу и, в отдельности, английскому и японскому. Без особого затруднения мой спутник называет цифры:

— В Шанхае японских фабрик 8, которые имеют около 200.000 веретен; англичане имеют тоже около этого.

— Ну, а американцы?

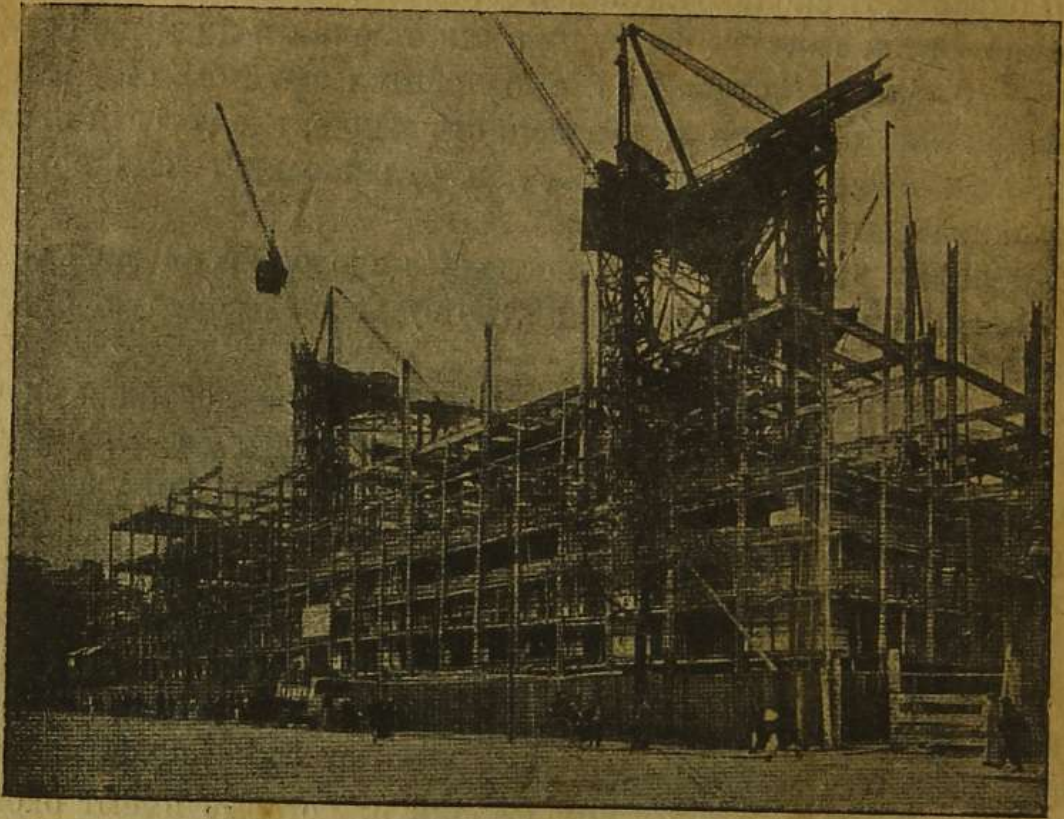
— В последние годы тоже начинают строить.

Но фабрика—это, так сказать, остов китайской промышленности. Вокруг этого остова группируется так называемая кустарная ткацкая промышленность, которая производит получившую сейчас известность китайскую сарпинку.

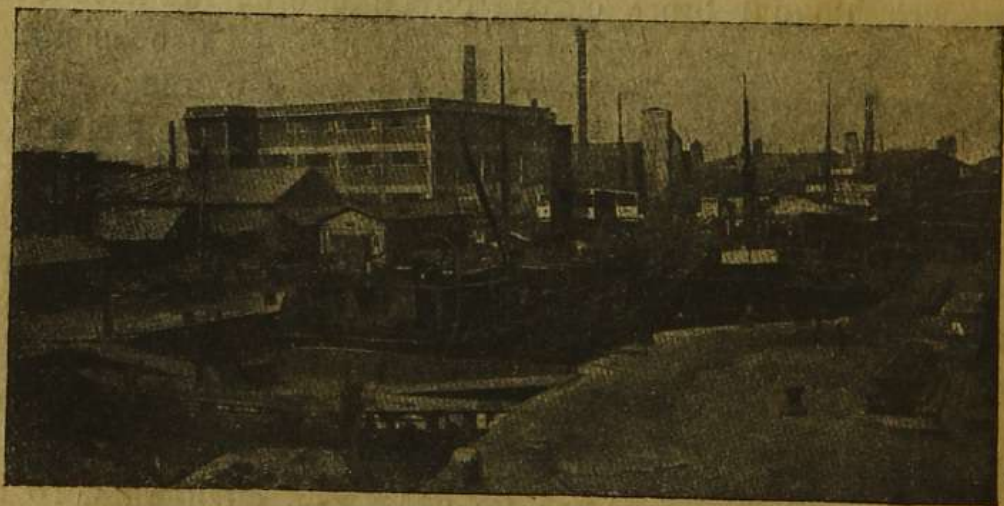
Наш спутник-компрадор предлагает нам осмотреть несколько таких предприятий.

Мы едем в китайский город. Лабиринт узких улиц и переулков, кишущих китайцами. Приходится удивляться искусству шоффера, лавирующего среди этой живой массы людей.

Но, видно, судьбе угодно, прежде чем показать нам «светелку» китайского ткача, показать также нам китайский полицейский участок. У нас не оказалось специального пропуску для китайского города для езды на автомобиле, и мы были доставлены в участок, где за три доллара нас восстановили в праве езды по узеньким улицам.

Строющийся Шанхай.

Ремонт китайских судов.

«Светелка», однако, оказалась целой маленькой фабрикой, где мы нашли до пятидесяти станков, очень похожих на наши «самолеты» самарских ткачей, на которых работали китайки.

Быстро летает челнок, давая характерный удар, но медленно перематывается основа будущего куска сарпинки.

— Сколько вырабатывает в день ярдов?

— Около двадцати.

— А сколько получает за выработанный ярд?

— Один цент.

Выходит, что китайка зарабатывает немногим больше двадцати копеек в день. Впрочем, это, так-сказать, средняя оплата труда женщины на китайских фабриках при 12—14-часовом рабочем дне.

Около матери-китайки стоит корзинка с маленьким ребенком, которого она при нас кормит грудью.

Переходим в соседнее помещение и находим там маленьких девочек-подростков, мотающих нитку на шпульки. Машинки энергично работают рученками, не приостанавливая своей работы даже в момент нашего прихода.

— Если вы хотите посмотреть, как работают китайские дети, нам следует завернуть на фабрику ковров,—говорит наш спутник.

Мы выражаем согласие.

Фабрика ковров находится по соседству, и мы оказываемся, действительно, среди детей, которые, полуголые, сидят над основой будущих ковров, намотанной на два бревна, вращающиеся на осях, и энергично и ловко снуют рученками между нитками основы.

Медленно, но четко из-под этих маленьких рученок вырастает замысловатый узор из цветных ниток.

— Сколько получаешь?—спрашиваю я малыша.

— Десять центов в день.

— А сколько вырабатывают?—обращаюсь я к хозяину фабрики.

— Пять квадратных дюймов за рабочий день—это т. с. урок.

Дети тут работают, тут и спят на каких-то жалких подстилках.

Капитал запустил свои щупальцы глубоко в недра ки-

тайской семьи. Он творит привычное для него дело, разлагая патриархальную китайскую семью, отрывая часть за частью от нее живые куски. Дети, цветы жизни, ткут за грошовую плату цветы на коврах, которые отнимают у них лучшие соки их жизни.

В Китае, где еще нет никаких сдерживающих начал для молодого капитализма, он особенно хищен, он ни с чем не считается, руководствуясь исключительно жаждой скорейшей наживы. А это ведет к самой безудержной эксплуатации труда, и не только взрослых, но и детского, как это пришлось увидеть нам.

Поистине, дорогою ценою покупает Китай свое капиталистическое развитие,—ценою тысячей жизней детей. Но капитализм не знает сантиментальности и идет своими обычными путями.

Китайский «компрадор».

— Да, существование китайской промышленности для меня сейчас доказанный факт,—говорю я своим спутникам, возвращаясь с осмотра китайских фабрик.

— Для того, чтобы подкрепить себя в этом убеждении, вам следует посмотреть на работу шанхайского порта,—советуют мне спутники.

Мы отправляемся в порт.

Перед нами своеобразная картина. Тысячи китайских джонок¹⁾, тесно сомкнувшись и оцетинившись лесом мачт, прикрывают собою берега реки Ван-пу, на которой раскинулася Шанхай. Вдали виднеются силуэты огромных океанских пароходов, стоящих под разгрузкой. Сотни судов грузятся у пристаней перед зданиями огромных шанхайских складов. Тысячи кули гнутся под тяжестью тюков товаров. Трещат лебедки кранов, в воздухе стоит стон от шума и ругани, характерной для огромных морских портов.

Шанхай—порт мировой торговли.

— Сколько же приходится на долю самого Китая тоннажа?—интересуюсь я.

---

¹⁾ Джонка—китайская лодка.

— К сожалению, около одной пятой тех 22—23 миллионов тонн, которые составляют шанхайскую норму последних лет.

— Ну, а кто держит пальму первенства?

— Англия, затем идет Япония.

Большее Шанхай, конечно, вывозит. Он, так сказать, китайский перевалочный пункт мирового значения, через который переваливается китайское сырье. Здесь, в Шанхае, опорная база иностранного капитала, который выкачивает китайское сырье на мировой рынок.

Но как он это делает? Какие пути нашел иностранный капитал, чтобы запустить свои щупальцы в глубины Кигая и извлечь оттуда сырье? Эти вопросы невольно напрашиваются, когда смотришь на оживленную картину шанхайского порта.

Я делюсь своими недоуменными вопросами с своими спутниками и получаю от них в ответ:

— Вот вам живой ответ на ваш вопрос.

Мне указывают на нашего чичероне—«компрадора».

Компрадор—это посредник при покупках. Как инстигут, в Китае он создан вследствие необходимости для иностранного капиталиста иметь такого посредника, который дал бы возможность вплотную подойти к китайцу в торговых отношениях. Вероятно, сначала роль компрадора была ролью переводчика, при торговых сделках, но в дальнейшем он стал на положение посредника, обслуживающего какую-нибудь одну иностранную фирму и получающего от нее содержание и процент за сделки, но, вместе с тем, имеющего свой аппарат сотрудников, которые работают на компрадора.

Иностранный капитал, при всем своем могуществе, оказался бессильным на китайском рынке и принужден был платить своего рода дань китайцу-компрадору, а это повело к процессу того первоначального накопления китайского капитала, который позволил компрадору, потершемуся около иностранного предпринимательства, научиться не только копить капитал, но и прилагать его к разного рода промышленным предприятиям.

Словом, компрадорство—это как бы этап, через который китайский капитал идет к самостоятельному предпринимательству. И, вместе с тем, компрадорство—это институт, до

поры, до времени позволяющий иностранному капиталу обирать китайский рынок, выкачивая из него все, что можно.

Компрадор «Губкина и Кузнецова» — спец по чайной части. Он очень состоятельный человек, который работает уже широко, и не сегодня-завтра сам займется постройкой фабрик. У него много сотрудников и агентов, и прекрасная легковая машина, — словом, он из тех, которые уже перешагнули грань накопления капитала.

Конечно, это не единственный путь накопления, существуют и другие; но компрадорство, на наш взгляд, чрезвычайно характерно для понимания всей китайской экономики в ее современных формах.

Ибо, что такое Китай по отношению к мировому капиталу в своем современном значении?

Полуколония, которая в одном случае может быть поставщицей на мировой рынок китайского сырья; в другом — большой рынок для фабрикатов и изделий какой-нибудь крупной капиталистической страны.

Японский империализм пытался рассматривать Китай под первым углом зрения; Англия, а за нею и Америка, пытаются сочетать первое со вторым.

Но с точки зрения Китая и его экономики, ему, конечно, вообще мало улыбается быть полуколонией. И китайский капитал, собираемый руками туземной буржуазии, мечтает об экономическом раскрепощении от иностранного капитала. Ему одинаково ненавистен, как японский, так и европейский, и американский капиталы. И вот здесь рост туземного капитала через компрадора и его превращение в самостоятельного предпринимателя, работающего на свой туземный капитал, китайскими рабочими, китайским сырьем и к тому же — на китайский рынок. Это ли не серьезнейшая конкуренция иностранному капиталу!

Несомненно, что поскольку, вместе с тем, иностранный капитал находится в зависимости от «компрадора»-посредника, и последний находится в положении изоляционного пласта между иностранным капиталом и китайским рынком, постольку для иностранного капитала всегда существует угроза отрыва от китайского рынка. Иными словами, «компрадор» может изменить иностранному капиталу, и последнему угрожает перспектива остаться в беспомощном положении.

И это, вероятно, произойдет в тот момент, когда китайский предприниматель созреет национально и противопоставит свои национально-китайские интересы тенденциям и стремлениям мирового капитала к беспощадной эксплуатации Китая.

Фабрики и заводы, которые мы выше осматривали, — первые вехи национального сознания китайской буржуазии. Они, вероятно, превратятся в его передовые позиции, откуда он начнет борьбу за свою эмансипацию от чужеземного засилья.

Пути собирания китайского капитала.

Для борьбы с иностранным капиталом нужна очень большая концентрация туземного капитала.

Это верно. Но именно процесс такой концентрации и происходит в Китае. Он идет, порой незаметными для невооруженного глаза путями, но он идет.

Один из таких своеобразных путей концентрации китайского капитала связывается с так называемым милитаризмом, который сейчас свирепствует в Китае. Это очень своеобразное явление.

Обычно, принято считать, что китайский «дудзюнат», т.-е. система генерал-губернаторств, которые выродились в сатрапии, где царствует произвол «дудзюна», опирающегося на военную силу, — явление глубоко антипрогрессивное, задерживающее развитие производительных сил Китая.

Но, оставляя политическую роль «дудзюната» и приглядываясь к его, так сказать, социально-экономической природе, мы находим здесь моменты как-раз обратного значения.

На самом деле, что сделал «дудзюнат» для экономики Китая в исторической перспективе?

А вот что. Все эти генералы Чжан-Цзо-лины, Цао-Куни, Ли-Юань-хуны и десятки других китайских генералов, побывавших на положении «дудзюнов», являлись, так сказать, собирателями очень больших капиталов на своих административных постах. Они обрастали этими капиталами, превращаясь в своеобразных генерал-капиталистов, которым приходилось думать о помещении своих капиталов в предприятия.

И они помещали свои капиталы сначала в разные банков-

Железнодорожная станция.

В ожидании поезда.

ские предприятия, а в последнее время начали тоже строить заводы и фабрики.

Несомненно, с точки зрения экономики, здесь момент положительного значения. В условиях переходного периода от феодализма к капиталистическим формам развития, Европа тоже знала много таких примеров, и Китай здесь, конечно, америки не открывает, но факт остается фактом, и процесс собирания такими путями капиталов, концентрация их в одних руках с последующим использованием их в приложении к развитию производительных сил Китая—это один из путей, по которому шло собирание китайского туземного капитала.

Из других путей концентрации китайских капиталов следует отметить деятельность банковского капитала в Китае. Сейчас в Китае насчитывается до тридцати крупных банков, имеющих, в общей сложности, около 200 миллионов долларов капитала.

«Банк Китая», «Банк путей сообщения», «Национальный промышленный банк» и десятки других—это точки приложения для активного китайского финансового капитала, который жадно стремится захватить основные позиции для закрепления своего преобладающего влияния в Китае.

Отсюда китайская буржуазия не только собирается грозить, но уже фактически грозит иностранному капиталу.

Существует такое малообоснованное убеждение, что без иностранного кредита Китай не только не справится со стоящими перед ним задачами, но даже погибнет...

Так думал иностранный капитал, когда он образовывал знаменитый «международный консорциум», в состав которого вошли крупнейшие банки Америки, Англии, Франции и Японии.

Международный консорциум думал спасти Китай.

И, совершенно неожиданно, наткнулся на ожесточенное сопротивление со стороны китайского капитала, который иностранному банковскому консорциуму противопоставил свой национальный банковский консорциум, в состав которого вошли 27 крупнейших китайских банков.

Такова дерзость молодого китайского капитала, который этим шагом объявляет войну своему иностранному сопернику.

Борьба за железнодорожные пути в Китае.

В своем стремлении глубже проникнуть в Китай, к его естественным богатствам, к его внутренним рынкам, наконец, вообще, к тем жизненным центрам Китая, которые господствуют над его экономикой и политикой, иностранный капитал на протяжении десятилетий центром своих домогательств ставил вопрос о железных дорогах и железнодорожном строительстве.

Китай долгое время оказывал сопротивление домогательствам иностранного капитала на проникновение внутрь Китая этим путем. В свое время Ли-Хун-чанг (1863 г.) заявил иностранцам:

— Железные дороги будут лишь тогда полезны Китаю, когда их сооружение и управление будет в руках самих китайцев.

Но сопротивление было сломлено, и в 1881 году китайское правительство дало разрешение на постройку жел.-дор. линии в районе Кайпинских угольных копей.

За этой первой ласточкой жел.-дор. строительства последовала уже настоящая горячка по сооружению железных дорог в Китае. И это понятно: иностранному капиталу был протянут палец, — он потянул к себе всю руку.

Большую энергию в домогательствах на жел.-дор. строительство проявила царская Россия, которая, преследуя агрессивные интересы на Дальнем Востоке, проложила в Манчжурии тысячи верст стальных рельс. Германия то же сделала в Шаэдуэ, где она соединила стальными рельсами Цинань-Фу с Цин-дао.

Пользуясь благоприятным моментом, иностранный капитал обычно вынуждал Китай признавать свои специальные интересы в районе построенных им железных дорог, а это вело к разделу Китая на так называемые «сферы влияния».

И Китаю, вероятно, пришлось бы очень плохо, если бы ему не помогло столкновение интересов международных хищников. Они передрались между собою. Особенно энергичной была борьба иностранного капитала вокруг так называемой Пекин-Хань-коуской жел. дор., которая должна была прорезать Китай с севера на юг и соединить Пекин с Кантоном. Эта дорога вела к сердцу Китая, в Хань-коу, где лежал

ключ владения долиной реки Ян-цзы, на обладание которым претендовала Англия. С нею в этом вопросе столкнулись интересы Бельгии, Франции и России, и закипела борьба, которая дала повод Китаю в 1906 году заявить, что в дальнейшем все новые жел.-дор. пути будут сооружаться только китайцами.

Это, так сказать, поворотный пункт борьбы Китая за раскрепощение себя от иностранной опеки.

В дальнейшем Китай вступает на путь решительной борьбы не только против отдачи иностранцам новых жел.-дор. концессий, но и стремится к ликвидации старых. Китайский капитал начинает большую кампанию за выкуп построенных иностранцами железных дорог, образуется «Банк путей сообщения». Страстная борьба завязывается вокруг шан-дунской жел. дор., которую, в качестве германского наследства, пыталась закрепить за собою Япония.

Не менее сильная борьба начинается вокруг Китайско-Восточной жел. дор., которую, на правах «русского наследства», пыталась захватить Франция через Русско-Азиатский банк.

Но Китайско-Восточная жел. дор. оказалась не только в сфере внимания одного французского влияния, она привлекла к себе внимание Японии и Америки, которые зорко и ревниво следят друг за другом на Дальнем Востоке.

Каждая из заинтересованных сторон ставила своей задачей закрепить эту магистраль за собой. Китай всем этим тенденциям противопоставил упорное сопротивление, которое было построено на противоречиях международного капитала. А под шумок Китай старался разрешить одну основную задачу—китаизировать управление этой железной дорогой.

Если в отношении к торговле китайский капитал занял промежуточную позицию между иностранным капиталом и внутренним китайским рынком, то и в вопросе о китайских внутренних путях сообщения и особенно в вопросе железнодорожного строительства китайский капитал ставит себе довольно четкую задачу—взять железные дороги в свои руки и этим стать в положение посредника между иностранным капиталом и китайской экономикой.

Таков смысл той большой борьбы, которую Китай упорно ведет за национализацию железнодорожных путей.

Пути экономического развития Китая.

Китай—большое земледельческое хозяйство и, вероятно, долгие годы будет оставаться таким. Его окраины в роде Манчжурии с ее земельными просторами и плодородием почвы будут основанием для большего развития экспортного земледелия.

Торговое земледелие—вот та экономическая формула, в которую можно было бы вложить содержание китайской экономики, если бы Китай остался в своем настоящем положении.

Но выше мы отметили основные тенденции капиталистического развития Китая на базе того первоначального накопления капитала, которое происходило на протяжении последних десятилетий, и той концентрации капиталов, которая происходит в современном Китае.

Здесь мы находим уже не беспорядочный процесс первоначального накопления, но вполне определенные тенденции, которые намечают целый ряд вех будущего экономического развития Китая.

На самом деле, что такое «компрадорство», закрепляющее за собою господствующее положение на внутреннем китайском рынке и выступающее сейчас в качестве конкурента иностранному предпринимательству в Китае в области промышленности? Что такое рост банковского капитала и его объединение во всекитайском масштабе? Наконец, борьба китайского капитала за железнодорожные пути сообщения Китая?

Очевидно, мы здесь имеем дело с процессом консолидации китайского капитала, который настолько окреп, настолько твердо чувствует под своими ногами почву, что делает попытку развернуть свои силы и заявить о своих хозяйских правах на Китай.

Сейчас китайский капитал еще в стадии подготовки своих главных сил на главных направлениях для предстоящей борьбы с иностранным капиталом. Но на флангах уже идет борьба. Отдельные отряды китайского капитала бьются с своим иностранным соперником. Такова, например, борьба с японским капиталом. Достаточно вспомнить бойкот японских товаров, чтобы видеть, какие широкие формы принимает эта

борьба. Борьба за Шаньдунь, за Манчжурию,—все это явления того же порядка.

Несомненно, что борьба и победа над иностранным экономическим засильем—основная предпосылка для развития производительных сил Китая. Базой для развития будет, конечно, китайское замладельческое хозяйство. На этой базе будет продолжать свое развитие и рост китайская промышленность. Сырье, дешевый труд и емкий внутренний рынок обеспечивают развитие китайской промышленности.

Много неясности пока вносит позиция Америки в отношении будущих судеб китайской промышленности. С одной стороны, Америка рассматривает Китай, как рынок для своих товаров, с другой—дешевизна труда и близость сырья и рынка сбыта толкают американский капитал переселяться на азиатский материк и строить свои фабрики и заводы в Китае. Что повезет Америка в Китай,—фабрикаты или капитал,—это отнюдь не безразлично для китайской промышленности.

Японского капитала китайская буржуазия сейчас менее боится. Он, по существу, маломощен для большого будущего в Китае. Кроме того, против японского капитала у китайской буржуазии есть испытанное средство—ненависть ко всему японскому со стороны широких масс Китая.

Как длительна будет борьба китайского капитала с иностранным,—об этом можно только гадать, но то, что победа, в конечном счете, будет на стороне первого, в этом можно быть уверенным, ибо Китай с его сотнями миллионов населения, с его огромными естественными ресурсами, конечно, не может быть на положении полуколонии. И если сегодня, вследствие неблагоприятного наследия прошлого, Китай находится на положении полуколонии, то завтра он, несомненно, добьется независимости, и не только политической, но и экономической, что даст ему возможность выйти на широкую дорогу экономического развития.

ГЛАВА IV.

Рабочее движение в Китае.

«Рабочий вопрос в Китае принимает серьезный оборот», писала одна из английских газет в марте прошлого года, когда вспыхнула знаменитая гонконгская забастовка китайских моряков.

Начавшись с требования повышения заработной платы, эта забастовка гонконгских моряков превратилась во всеобщую забастовку, в которой принимали участие десятки тысяч рабочих-китайцев.

Замер Гонконгский порт. Потухло электричество. Гонконг сидел в темноте...

Китайские рабочие проявили необычайную солидарность, и в результате забастовка была выиграна. Победа гонконгских моряков была победой китайских рабочих, и когда трехсоттысячная демонстрация дефилировала по улицам Кантона в честь этой победы, то империалистической печати ничего не оставалось, как сказать:

«Рабочее движение растет и принимает угрожающий характер!»

Рабочее движение в Китае действительно растет. Забастовка в Китае сейчас бытовое явление. Особенно это характерно для таких капиталистических центров, как Шанхай. Хроника последнего пестрит сообщениями о забастовках. Бастуют металлисты, кожевенники, строительные рабочие, текстильщики. Даже служащие китайских кофеен и чайных домиков, и те порою устраивают забастовки.

И это понятно. Молодой китайский капитализм хищен, а его иностранный собрат, орудующий в Китае, преследует только одну цель—наживу. Отсюда самая беспощадная экс-

Демонстрация в Пекине.

В Срединном Китае.

плата китайского труда. И не только труда рабочих. Нет, этим ни иностранный капитал, ни туземный уже не удовлетворяются. Сейчас на фабрики в массе привлечены женщины и дети: им платят гроши—10—20 копеек и их заставляют работать по 12—15 часов в сутки.

Неудивительно, что жуткая голодная действительность заставляет китайского рабочего думать о своем положении. И как он ни забит, как он ни демен, он все же быстро усваивает простую и ясную мысль о необходимости борьбы за два требования: первое—увеличение заработной платы, второе—сокращение рабочего времени. Это два основных требования китайского рабочего движения.

Китай не имеет рабочего законодательства. Нет в Китае и определенных норм, определяющих рабочий день, поэтому последний колеблется от 9 часов для железнодорожников и до 16 часов для рабочих хлопчатобумажных фабрик, а иногда доходит и до 18 часов. Иными словами, китайский рабочий должен работать от зари до зари.

Заработная плата колеблется от 7 копеек до 30. Нужно ли говорить, как ничтожна эта оплата даже при всей китайской нетребовательности. Особенно, если принять во внимание, что Китай не избегнул общего вздорожания предметов потребления и первой необходимости, которые возрасли в среднем на 90—150 проц.

Поистине, положение китайского рабочего ужасно.

И в поисках выхода из этого ужасного положения китайский рабочий стихийно восстает против беспощадной эксплуатации. Путь этого протеста—забастовка. Отсюда та волна забастовочного движения, которая нарастает в Китае все больше и больше, приводя в движение широкие массы китайского пролетариата и создавая те новые формы рабочего движения, которые уже начинают пугать капиталистов, до сих пор спокойно хозяйничавших в Китае.

Резервная армия труда.

Китай, с его сотнями миллионов населения,—страна дешевого труда. Избыток рабочей силы в современном Китае бьет в глаза. Безработных в Китае никто не подсчитывал, да если бы кто-нибудь задался такой целью, то в китайских

условиях он принужден был бы отказаться от этой непосильной задачи.

Кто бывал в китайских портовых городах, кто видел десятки тысяч кули (чернорабочих) в качестве грузчиков, кому пришлось видеть тысячи китайцев, впряженных в двухколесную тележку (рикша), на которой возят людей, или полуголых китайцев, впряженных в неуклюжую двуколку, на которой нагружены десятки пудов громоздкого груза, — тот может составить себе представление о том, как много в Китае людей, и как мало поэтому ценят китайский труд.

Тот непосильный труд, который переносит китайский кули под монотонное пение своих грустных песен, быстро изнашивает китайца, превращая его в инвалида. Таков рикша, задыхающийся от астмы, таковы шахтеры, тысячами гибнущие от туберкулеза. Но, что это значит для страны, имеющей резервную армию труда, исчисляемую десятками миллионов рабочих рук!

Как создается резервная армия труда в Китае?

Китай — страна земледельческая. Огромная масса населения Китая кормится окола земледелия. Но та исключительная плотность населения, которая свойственна Среднему Китаю (достигающая 585 чел. на кв. милю), не дает возможности земледельческому хозяйству получить необходимое равновесие. Хозяйство китайского крестьянина находится под постоянной угрозой, если не распадается, как это часто бывает вследствие хронического голода, свирепствующего то в одной части Китая, то в другой, то настолько сильных изменений, что оно постоянно выделяет значительную часть лишних ртов, которые принуждены на стороне искать себе заработка и пропитания.

Вот из этих-то людских излишков земледельческого Китая и рекрутируется китайская резервная армия труда.

Сейчас, когда капитализм расставляет вехи своего господства почти по всему Китаю, когда капитал глубоко забрался в самое сердце Китая — долину великой китайской реки Ян-Цзы, китайское земледельческое хозяйство еще больше теряет свою устойчивость. Капитал жадно и хищнически высасывает из Китая все, что можно взять для международного рынка. Он заставляет напрягать возможности китайского хозяйства, он ослабляет его беспощадной эксплуата-

цией, а это ведет к сжатию хозяйства и выбрасыванию из него все больших и больших кадров работников, не могущих свой труд применить в своем хозяйстве.

Квалифицированный рабочий рекрутируется из китайских подмастерьев. В прошлом Китай знал ремесло, которое удовлетворяло почти все его потребности. Ручной труд был основой китайского ремесла. Китайский мастер не жалел времени, в результате китайское ремесло достигло значительного совершенства.

Ремесленничество существовало, как особое сословие, и пользовалось известными привилегиями в отношении регулирования своих внутренних дел. Мастерскую возглавлял мастер-ремесленник. У него обычно было несколько подмастерьев и учеников, которые им эксплуатировались.

Капитализм, начав строить в Китае фабрики и заводы, больно ударил по китайскому ремеслу. Давая более высокую плату подмастерьям, он забрал у ремесленника его квалифицированную рабочую силу. А дешевый фабрикат начал отнимать у ремесленника его заказчика и покупателя.

Крупная китайская фабрика и завод, собравшие сейчас под крыши своих корпусов тысячи китайских рабочих, перерабатывают их в своем фабричном котле в «китайский пролетариат». А насколько успешно идет эта переработка, — лучше всего свидетельствует то рабочее движение в Китае, которое на настоящей стадии характеризуется стихийным ростом стачечного движения.

Несомненно, что на базе этого движения растет классовое самосознание китайского рабочего и понимание классовой солидарности, ибо иначе нельзя представить себе те забастовки, где принимают участие тысячи рабочих, занятых в одной профессии или работающих под одной крышей фабрики.

Профессиональные организации.

Вместе с ростом классового самосознания китайских рабочих растет объединение последних в союзы. Но рабочие союзы вообще не новость для Китая. В прошлом китайский подмастерье имел объединения в «гильдии», и если современные рабочие союзы утрачивают свой гильдейский харак-

тер, то пережитки прошлого и традиции во многом, особенно в бытовых мелочах, несомненно, сохранились.

Гильдия, цех, индустриальный юнионизм—вот пути китайского рабочего в его стремлении организовать свои силы.

В современном виде китайское рабочее движение расплылось. Достаточно сказать, что, например, в Кантоне насчитывается 134 рабочих союза.

В других китайских ремесленных центрах, где организации носят цеховой характер, эта цифра варьируется несколько иначе. Но основным признаком является объединение мастеров и подмастерьев одной отрасли ремесленного производства.

Одной из главных задач такого объединения является установление цен на предметы их производства, определение размера оплаты учеников, а равно надзор за традициями своей гильдии или цеха. Вполне понятно, что решающая роль здесь принадлежит мастерам, владельцам ремесленных предприятий.

Рост торгового капитала содействовал расколу старых гильдейских организаций. Мастер—владелец ремесленного предприятия в процессе своих торговых операций, которые шли параллельно с расширением его мастерской, все больше и больше отходил к так называемым «торговым палатам», которые объединяли купечество. А подмастерье и ученичество шло к цеховой рабочей организации, которая все больше и больше приобретает сейчас классовый характер, направленный не только в сторону взаимопомощи, но и в сторону защиты классовых интересов китайского рабочего.

Впрочем, помимо гильдий и цехов, в Китае существуют еще рабочие землячества, которые, по существу, занимаются, главным образом, делом взаимопомощи.

Бытовые особенности китайского кули наложили своеобразный отпечаток на характер его организации. Здесь в прошлом китайцы имели семейно-родовую артель, которая в процессе своего разрастания почковалась от дедов к отцам и сыновьям, давая своеобразную традицию рабочих семейно-родовых союзов, вроде знаменитых «Красного союза» и «Голубого союза» в Шанхае, считающих, что они существуют около 500 лет.

Впоследствии этот семейно-родовой характер стал номи-

нальным, но артельное начало осталось, и место родовича занял «старшинка», который стал в качестве посредника между рабочим и предпринимателем и в настоящее время приобрел облик мелкого подрядчика по поставке рабочей силы для предприятия.

Теперь, когда Китай стал на путь капиталистического развития, по мере того, как машинное производство накладывается на китайского рабочего свой отпечаток, рабочие организации все больше и больше приобретают характер классовых организаций. Если ремесленник—владелец мастерской отходит в ряды торговой буржуазии, в ее «торговые палаты», то и в отношении «старшинки»-посредника тоже можно сказать, что он остается вне рядов современного китайского профессионального союза.

Сейчас профессиональные союзы существуют почти во всех пунктах, где существуют фабрики и заводы. Но наиболее прочно они организованы в таких центрах, как: Шанхай, Кантон, Гонконг, Чанца, Ханькоу.

В Шанхае, например, союз металлистов насчитывает около 2.000 членов, союз печатников—6.000, табачников—8.000, текстильщиков—до 1.000 и т. д. В Кантоне, при наличии большого количества союзов, имеются крупные объединения, насчитывающие тысячами своих членов.

В последние годы процесс организации китайских рабочих получил стихийно-массовый характер. Начали вновь организовываться союзы, в роде союза строителей, союза боев (домашней прислуги), почтово-телеграфных служащих, союз рикш-кули, союз пароходных служащих, союз торгово-промышленных служащих и т. п.

К числу наиболее интересных профессиональных организаций в Китае нужно отнести союз железнодорожников, который сейчас объединяет свыше десятка тысяч рабочих и служащих шести китайских железнодорожных магистралей.

Поскольку китайское рабочее движение в своем стихийном росте начало накапливать свой непосредственный опыт борьбы за улучшение положения рабочего класса Китая, постольку на очередь стала необходимость подытожить опыт стачечного движения последних месяцев и использовать его для организационных и воспитательных нужд пролетариата всего Китая.

Такую задачу поставил перед собою всекитайский секретариат профсоюзов (организовавшийся в 1921 году), который после удачно проведенной гонконгской забастовки решил созвать первый всекитайский съезд профсоюзов в Кантоне, приурочив этот съезд к 1-му мая.

Съезд китайских профсоюзов.

Съезд состоялся. Большинство съезда составляли профсоюзы южного Китая и Тихоокеанского побережья. Но при всех организационных трудностях на съезде был представлен и северный Китай.

Кроме секретариата рабочего юниона, в лице его центрального бюро в Шанхае и отделов: северного (Пекин), южного (Кантон), Ухань'ского и Чан-ша'нского, были представлены профсоюзы Чань-синь-дяну — железнодорожники, Тянь-Цзинь — бумагопрядильщики и печатники, Тянь-Шань — железнодорожники, У-хань (У-чан, Хань-коу) — рикши и железнодорожники, Чан-ша — бумагопрядильщики и железнодорожники. Этот перечень представленных рабочих организаций характеризует, с какою серьезностью китайские рабочие отнеслись к первой попытке собраться и обсудить сообща вопросы китайского рабочего движения.

Съезд открылся 1-го мая и этим превратился в большую рабочую демонстрацию. Рабочие Кантона приветствовали своих гостей многотысячными митингами и демонстрациями.

На самом съезде с первых же шагов развернулась интереснейшая борьба, которая характеризует те основные тенденции, которые сейчас намечаются вокруг китайского рабочего движения.

Претендентами на руководство китайским рабочим классом выступили коммунисты, «гоминдановцы» (очень похожи на наших эсеров) и анархисты. Произошла очень любопытная дискуссия, из которой вышли победителями коммунисты, под руководством которых съезд и прошел. В этой дискуссии обнаружилось, что если анархисты были беспочвенны, то «гоминдановцы» представляли значительную силу, опирающуюся на отсталую часть профессиональных организаций земляческого типа, где мелко-буржуазная закваска была еще сильна. Кроме того, они же пытались эксплуати-

ровать ту политическую обстановку юга Китая, где партия «Го-мин-дан» является государственной партией.

Однако, при своей неопытности китайский рабочий нутром понял стоящие перед ним задачи, и результатом этого съезда принял следующие очень характерные решения.

Вот несколько извлечений из резолюций съезда.

О восьмичасовом рабочем дне. «От имени настоящего съезда должно быть подано заявлению президенту Кантонского правительства (д-ру Сун-Ят-сену — гоминданцу) об установлении нормального восьмичасового рабочего дня для совершеннолетних рабочих мужчин. Если капиталисты не согласятся добровольно на введение этой системы, то должна быть организована всеобщая забастовка».

А вот вторая резолюция:

О классовой солидарности. «Рабочие одной профессии каждой провинции не должны ни при каких обстоятельствах замещать бастующих товарищей по профессии. Финансовая помощь товарищей бастующим иных предприятий не должна переходить покрытия жизненных потребностей. В случае нужды объявляется стачка солидарности».

Наконец:

По вопросу организации рабочих союзов. «Рабочие союзы должны быть организованы на базисе рабочего индустриального юнионизма, где же это невозможно, — на базисе тред-юнионизма. Рабочие союзы одного района объединяются в одну организацию. Все рабочие организации страны, в свою очередь, должны быть объединены вокруг одного центра».

Так съезд наметил основные вехи для китайского профессионального движения.

После съезда на местах началась лихорадочная перестройка рабочих организаций уже в соответствии с теми принципами, которые съезд установил в качестве обязательных для китайского рабочего движения.

Социалистическое движение.

До сих пор социалистическое движение в Китае носило кружковый и преимущественно интеллигентский характер. Если основное русло широкого общественного движения пробуждающегося Китая было заполнено идеями национально-

освободительного порядка, то социалистическая мысль находила себе место в боковых ручейках этого общего движения китайской общественной мысли.

Впервые социалистические идеи были принесены в Китай китайским студенчеством, учившимся в Европе и Японии. Возвращаясь на родину, студенчество популяризовало социалистические идеи, организовывало кружки, читало лекции и даже издавало газеты и журналы.

К числу таких пионеров на поприще пропагандиста социалистических идей принадлежит Цзян-Кан-ху, который, прочитавши книжку Бебеля: «Женщина и социализм», настолько был увлечен идеями социализма, что стал страстным проповедником этих идей в Китае почти на протяжении длительного времени.

Цзян-Кан-ху первый начал издавать в 1911 году социалистическую газету под названием «Социалистическая Звезда». Он организовал клуб для изучения социалистической литературы. А когда вспыхнула китайская революция, то вокруг Цзян-Кан-ху образовалась социалистическая партия, с значительным количеством отделений по всему Китаю, насчитывая не одну сотню тысяч членов.

Но эта социалистическая партия оказалась недолговечной. При первом же натиске реакции она распалась. Сам Цзян-Кан-ху эмигрировал в Америку и затем, по возвращении в Китай, потерял свое прежнее влияние.

Это была, так сказать, попытка организации широкого социалистического движения. Что касается до отдельных социалистических кружков и группировок, то последних среди китайской интеллигенции имелось очень много. Эти кружки изучали труды социалистов. Их усилиями сделано довольно много переводов на китайский язык социалистической литературы.

К числу социалистических партий Китая обычно принято относить: «Го-мин-дан» (демократическая партия, которая возглавляется д-ром Сун-Ят-сенем. Последний, называя себя социалистом и являясь беспорным идеологом этой партии, так формулирует те три основных принципа, которые составляют программу партии «Го-мин-дан»: 1) национализм, 2) демократизм и 3) социализм.

В каждое из этих понятий он вкладывает, примерно, следующее:

Национализм. Китай—республика пяти рас (китайцы, манчжуры, монголы, магометане и тибетцы). Китайцы призваны взять на себя руководство борьбою за политическое объединение этих пяти рас в единое государство. Китай—как единая нация в Восточной Азии.

Демократия—это сколок с общедемократических установлений Швейцарии, с референдумом, правом инициативы и проч.

И социализм — «пропорциональное распределение земли».

По своему составу партия «Го-мин-дан» является как бы внеклассовой организацией, мечущейся между китайским крестьянином, рабочим и интеллигенцией и в то же время заигрывающей с нарождающейся китайской буржуазией. Эта бесхребетность партии «Го-мин-дан» делает ее похожей на наших эсеров и мало содействует ее политической устойчивости.

Вероятно, в этом и лежит основная причина того, что великий китайский бунтарь-революционер д-р Сун-Ят-сен является, по существу, политическим неудачником, который в своей деятельности имеет всегда больше поражений, чем побед.

Одной из положительных задач китайских социалистических кружков являлась борьба с анархизмом. Последний в Китае имеет до настоящего времени глубокие корни. Китайская интеллигенция очень увлекалась идеями Прудона, Бакунина, Крапоткина и Толстого, особенно последними двумя.

Китайцы говорят, что в Китае в IV веке до Р. X. жил философ Лао-Цзы, который проповедовал идеи, очень схожие с идеями Толстого, и что это увлекает китайскую философскую мысль. Другим китайским философом-анархистом являлся Тин-Ши-Фу, который в 1915 году умер, но оставил глубокий след своей напряженной работой. Он издавал «Голос Народа», «Голос Справедливости», в которых пропагандировал идеи социальной революции. Не чужд он был и активизма. Им был организован ряд террористических актов против отдельных китайских сатрапов.

Борьба китайских социалистов с анархистами шла и идет

по линии борьбы за китайскую молодежь, которая сейчас выступает в качестве активного наследника отцов.

Китайская молодежь или, вернее, студенчество, 5-го мая 1919 года открыло новую страницу массового движения. Со всей силой, присущей молодости, она активно вмешалась в политическую борьбу и сразу превратилась в существенный фактор китайской общественной борьбы.

Встал вопрос о том, кто использует эту новую силу. Ибо не трудно было учесть, что тот националистический подъем против Японии, под которым началось движение, это — переходящее, временное, и дальше стоит вопрос о соответствующем идеологическом содержании движения китайской молодежи.

Сейчас этот вопрос можно считать решенным. В последние годы в Китае выросло доношеское социалистическое движение. Оно впитало в себя лучшие активные элементы студенческого движения, и, вместе с тем, оно явилось прямым наследником всей той работы, которая проделана различными социалистическими группировками в Китае.

По своему характеру это доношеское социалистическое движение является политическим движением, которое действует под руководством возникшей в последние годы китайской коммунистической партии. Несомненно, что это движение является тем проводником социалистических идей в широкую массу, который нужен для Китая в современных условиях.

Чтобы понять эту роль китайской социалистической молодежи, стоит обратиться к состоявшемуся в этом году, в мае, Всекитайскому съезду социалистической молодежи.

Свои задачи съезд так определил:

«Организовать антимилитаристическое движение в стране, равно как и движение против захватнических стремлений иностранного империализма. С целью расчистить путь для борьбы, китайская социалистическая молодежь должна прежде всего добиваться для народа права всеобщего голосования, а также свободы слова, печати, союза и собраний.

«Китайская социалистическая молодежь должна настаивать на следующих требованиях: а) установление рабочего дня для работников, не достигших 18 лет, не свыше 6 час.; б) установление нормального 8-часового рабочего дня; в) воспрепятствование пользованию трудом детей моложе 12-летнего воз-

раста; г) установление нормального еженедельного отдыха для рабочих не менее 36 часов; д) недопущение несовершеннолетних рабочих к видам труда, вредным для здоровья, и т. п.».

При наличии подобных задач, китайская социалистическая молодежь не только является проводником социалистических идей, но и застрельщиком в борьбе за практическую реализацию их.

Движение молодежи растет, оно впитывает в себя все новые и новые кадры. Оно перерабатывает эти кадры, воспитывая их, подготавливая для последующей борьбы в рядах китайской коммунистической партии.

Китайская коммунистическая партия.

Капиталистическое развитие Китая и вытекающий из него рост китайского рабочего движения подготовил почву для идей русской пролетарской революции.

Юношеское социалистическое движение было тем мостиком, который связал практику русского революционного движения с китайской действительностью. Начиная с 1920 года, китайская революционная молодежь не только начинает обнаруживать интерес к Советской России, но и проникать в последнюю, знакомиться с основными моментами русской революции, ее завоеваниями, а равно и методами борьбы.

По возвращении из Советской России она издает журналы, в которых рассказывает о своих впечатлениях. Таков журнал «Синь-нин-нянь» (Новая молодежь). Еще больше молодежью было сделано в смысле переводов и издания брошюр. Так ею изданы: «Коммунистический манифест»—К. Маркса, «Программа коммунистической партии», «Программа коммунистов»—Бухарина, «Биография» Ленина, «Коммунистические субботники»—Ленина, «Организация профессиональных союзов»—Ленина, «Успехи и трудности рабоче-крестьянского правительства»—Ленина, «Заработная плата, рабочая сила и капитал», «Записки о русской революции»—Л. Троцкого, «3-й Интернационал» и целый ряд других брошюр.

1920 и 1921 г.г. являются годами оформления коммунистических идей. Почти во всех крупных центрах Китая возникают кружки, которые изучают эти идеи, горячо дискуси-

руют. В конце 1921 года начинает складываться организационный центр будущей китайской коммунистической партии, который ставит себе уже не только задачи собирания китайской коммунистической интеллигенции, но и установление связи с рабочим движением.

В организационном отношении этот центр сделал многое. Он расширил издательство, приступил к изданию журнала «Коммунист», стал внимательно следить за рабочим движением. Но, тем не менее, на первых порах этот организационный центр, да и вся молодая коммунистическая организация Китая оказались в плену у старой кружковщины. Старая закваска, навыки и методы делали свое дело, и интеллигентские кадры замкнулись в скорлупе своих сектантских кружков.

Однако, в условиях новой действительности, при наличии мощного потока китайского рабочего движения, с одной стороны, и юношеского движения—с другой, это долго продолжаться не могло.

По мере того, как китайские коммунистические организации срастались с профессиональным движением, последнее не только оздоравливало интеллигентские кружковые организации, но и усиливало коммунистическую партию новым составом активных членов из рабочих.

Волна стачечного движения, рост профессионального строительства—все это втягивает китайскую коммунистическую партию в непосредственную активную работу и освобождает от ненужных надуманностей. Несомненно, что влияние компартии на рабочую массу растет. Большую роль в этом отношении сыграл съезд профсоюзов, о котором мы говорили выше.

Другой момент в жизни китайской коммунистической партии—это участие в политической жизни страны. Китай переживает сейчас очередную политическую встряску. К жизни призван парламент созыва первых дней китайской революции. Это создает трибуну, которую можно использовать в интересах как политического воспитания масс, так и собственного укрепления партии в ее новом положении. политической партии, выходящей на широкую политическую арену.

Политическая необходимость толкает на это.

Между тем, своеобразие китайской политической действи-

тельности, в виде наличности милитаристических группировок и распыленности противоположных милитаристам сил, заставляет подумать китайскую коммунистическую партию о поисках такой тактической линии, которая могла бы облегчить борьбу с реакционными группировками милитаристов.

Состоявшаяся недавно конференция китайских коммунистических организаций наметила эту линию в виде соглашения об «едином фронте» с партией «Го-мин-дан», которая хотя и потерпела поражение на Юге Китая, но все же остается единственно сильной организованной группировкой, которая может играть прогрессивную роль в китайской революции.

Что выйдет из этого «единого фронта», какие он даст результаты, — покажет, вероятно, ближайшее будущее. Пока же можно сказать только одно, что китайские коммунисты освобождаются от своей сектантской скорлупы и выходят на широкую дорогу участия в политической жизни своей страны.

Опираясь на китайское рабочее движение и руководя им, китайская коммунистическая партия имеет все данные превратиться в большую силу, которая будет содействовать воплощению в жизнь идеалов мирового пролетариата в Восточной Азии.

ГЛАВА V.

Гражданская борьба в Китае.

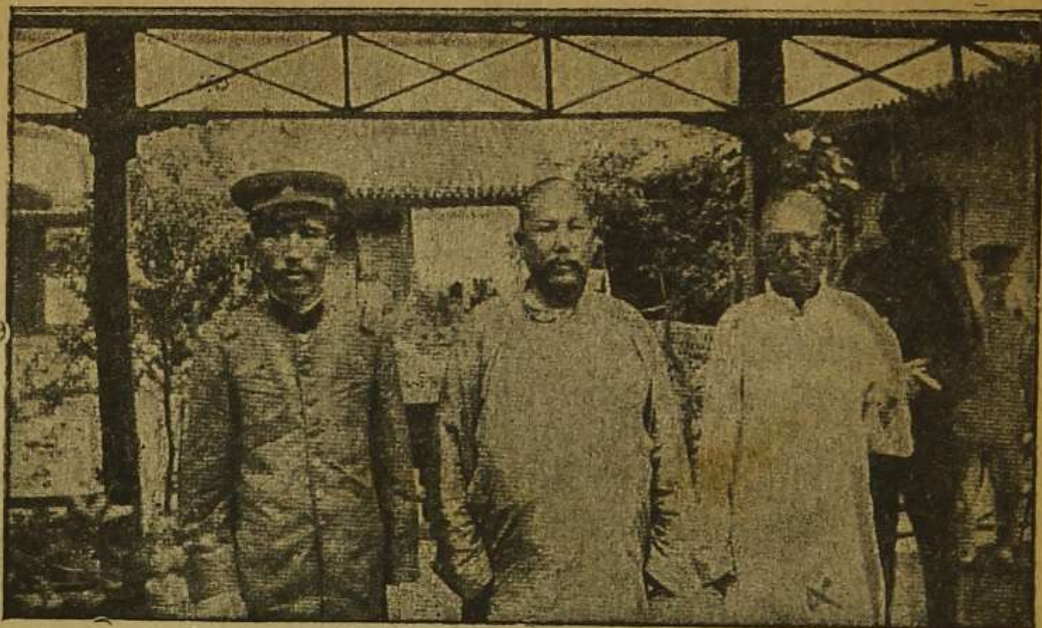
Одиннадцать лет тому назад китайский народ сбросил с себя ярмо монархии и провозгласил Китай Республикой. И на протяжении этих одиннадцати лет в Китае идет борьба за утверждение республиканских форм правления.

Несчастье Китая заключается в том, что ему эту огромную борьбу за свое будущее приходится вести в чрезвычайно неблагоприятных условиях международной и внутренней обстановки.

Внешне Китай опутан целой паутиной всяких кабальных и полукабальных договоров и соглашений с западно-европейскими империалистами, к которым в последнее десятилетие присоединилась еще империалистическая Япония. Китай буквально находится на положении опекаемого. Неудивительно, что это сказалось и на развитии его революции, которая тоже быстро попала под воздействие мирового империализма и оказалась изуродованной в своей сущности.

Мировой империализм, прекрасно учитывающий опасность для себя развития и углубления национально-революционных освободительных тенденций, напряг все усилия к тому, чтобы разбить мощный поток китайского революционного движения 1911—12 г.г. на ряд ручейков с тем, чтобы подменить революционную сущность движения гражданской борьбой отдельных групп и группировочек китайских милитаристов.

И надо отдать должное мировым империалистам, они сумели сделать в этом отношении многое. Они выхолостили китайскую революцию, они создали условия, при которых милитаризм в Китае расцвел махровым цветом и при наличии своего роста дал не усиление Китая, а скорее ослабление,

В ставке ген. У-Пей-фу.

× ген. У-Пей-фу.

Парад 10.000 китайских войск в Пекине.

что собственно и требовалось достигнуть мировым империалистам.

Как развернулась гражданская война в Китае, как она оформила борющиеся группировки, об этом лучше всего можно судить по трем основным группировкам современного борющегося Китая.

Первая группировка—это южный Китай, возглавляемый отцом китайской революции—доктором Сун-Ят-сеном; вторая — это Манчжурия, где господствует генерал—хунхуз Чжан-Цзо-лин и третья—это срединный Китай, где усиливается своеобразная фигура генерала У-Пей-фу.

Понять сущность этих группировок—понять сущность и смысл происходящей в Китае гражданской борьбы.

Каковы же цели и задачи этих группировок?

Отец китайской революции.

Доктор Сун-Ят-сен, чрезвычайный президент южного Китая, является колоритнейшей фигурой современного Китая. Он подготовлял китайскую революцию; он свергал династию манчжуров, он был первым президентом китайской республики, он сейчас продолжает бороться за демократизацию Китая. Недаром его называют отцом китайской революции.

Энтузиаст, несмотря на свои годы (ему сейчас около шестидесяти лет), он юношески бодр, подвижен, полон инициативы. Имея почти двадцатипятилетний опыт революционной деятельности в условиях китайской действительности, он вместе с тем европейски образован и до настоящего времени живо интересуется мировой литературой и в особенности социальными идеями.

Китайская революция 1911 года, которая превратила Китай из монархии в республику, к сожалению, не нашла в себе достаточных сил, чтобы вместе с манчжурской династией сбросить с плеч Китая также и китайскую бюрократию—мандаринат. А эта «недоделанность» китайской революции имела своим последствием не только отдельные реставрационные попытки в дальнейшем, но и тот сложный процесс организации контр-революционных сил, которые захватили власть в свои руки и если не реставрировали монархию, то, во всяком

случае, извратили природу первой китайской конституции. И что еще хуже, привели Китайскую республику на край пропасти иностранной опеки и финансового банкротства.

Свое первое президентство д-р Сун-Ят-сен должен был уступить Юан-Ши-каю, как он объясняет, во имя спасения республики. Юан-Ши-кай не оправдал надежд Сун-Ят-сена и попытался республику превратить в империю, а себя в императора. Но смерть убрала с политической сцены неудачливого китайского «Бонапарта», и власть перешла в другие руки, — Сун-Ят-сен остался в стороне. Ему был предложен пост председателя по железнодорожному строительству в Китае. Это было сделано еще Юан-Ши-каем. Сун-Ят-сен тогда согласился, и это привело его в Шанхай, где он находился сторонним свидетелем разгула реакции в Китае в течение нескольких лет.

Но боевая фигура Сун-Ят-сена с такой ролью не могла помириться. Северный Китай с его официальной столицей Пекином для него утрачен. За годы его устранения от политической деятельности здесь выросли новые силы милитаризованного мандарината, сложились группировки в виде «клуба Аньфу», «чжилийцев», «фыньтян» и др., которые вели между собою борьбу, но были у власти. Между тем, партия китайской революции — «Го-мин-дан», основателем которой был Сун-Ят-сен, была распылена; значительная часть ее членов бежала на Юг Китая, некоторые находились в Шанхае.

Сун-Ят-сен начал собирание партии «Го-мин-дан» и наметил в качестве плацдарма для накопления и развертывания своих сил Южный Китай, — тот Юг, который на протяжении почти всей революции вел непрерывную борьбу с Севером. Причиной этой борьбы были мотивы, как политического, так и экономического порядка. Политически Юг боролся за автономию против централистических тенденций Севера; экономически Юг боролся против вторжения крупного капитала, начавшего развиваться, главным образом, в Среднем Китае.

В тесном сотрудничестве с генералом Чень-Цзю-мином д-р Сун-Ят-сен в 1920 году захватывает провинцию Гуандун с ее главным городом Кантоном, который в прошлом играл роль столицы Юга. Сюда, в Кантон, стягиваются старые соратники Сун-Ят-сена; здесь собирается часть членов

старого парламента первых лет революции, и вот чрезвычайная сессия этого парламента избирает Сун-Ят-сена чрезвычайным президентом Южного Китая. К этому моменту вокруг провинции Гуандун складывается объединение пяти южных провинций Китая, которые насчитывают свыше ста миллионов населения и все одинаково стремятся к закреплению за собою автономных прав.

Д-р Сун-Ят-сен.

Так возникло южное, кантонское правительство, возглавляемое доктором Сун-Ят-сеном.

Но боевая натура отца китайской революции не могла примириться с ролью президента Юга Китая. Юг—это только часть Китая, Сун-Ят-сену нужен весь Китай. Он Южный Китай рассматривал только, как базу для накопления сил и затем наступления на северных милитаристов. Отсюда и родилась та противосеверная экспедиция, во главе которой стал сам Сун-Ят-сен.

Сун-Ят-сен стремился стать твердой ногой в долине р. Ян-цзы. Из Кантона он предполагал перенести свою столицу в Ханькоу с тем, чтобы оттуда угрожать Пекину.

Но в Ханькоу господствует У-Пей-фу, который не только представляет военный заслон Севера против Юга, но и представляет непосредственную угрозу Сун-Ят-сену, как сила, претендующая на организацию китайской общественности, на основе тех же принципов национально освободительного движения, которые до сего времени были как бы монополией Сун-Ят-сена.

И, действительно, с точки зрения завершения национальной революции в Китае, в условиях развертывания производительных сил Среднего Китая и роста китайской буржуазии, У-Пей-фу становился для последней как бы математической точкой приложения для ее устремлений к власти.

Сун-Ят-сен в глазах китайской буржуазии, особенно северной, утопист, фантаст; его прошлое не дает ей уверенности, что она сможет его переделать на свою колодку, для своей потребности. Он выступает в роли реформатора Китая, а для молодой китайской буржуазии, у которой руки у самой чешутся, нужно нечто иное, что было бы таким же молодым, как и она, чтобы оно допускало возможность вложить в себя то содержание, которое нужно для китайской буржуазии. Такой фигурой и являлся У-Пей-фу, который вырос на глазах у китайской буржуазии, был ярким националистом и, проявив военные таланты, был самым подходящим для нее союзником.

Все это Сун-Ят-сен учел, а отсюда и родилась та непримиримость Сун-Ят-сена к У-Пей-фу и стремление убрать его во что бы то ни стало со своей дороги.

Но как убрать? Убрать У-Пей-фу можно только вооруженной рукой. И вот Сун-Ят-сен вписывает в программу вновь воссозданной на Юге партии «Го-мин-дан», что «работа партии делится на два периода: 1) военный период, в продолжение которого все военные силы должны быть направлены к разрушению всех препятствий с тем, чтобы основать республику на твердых основаниях. В течение же этого времени правительство должно руководить всей внутренней и внешней политикой страны при помощи вполне совершен-

ного аппарата управления и должно вести народ к установлению самоуправления каждой области в отдельности. 2) конституционный период.

Это происходит в 1920 году; возможно, что на опыте русской революции он формулирует свою программу, которая заостряет вопрос о вооруженной борьбе и выдвигает ее на первый план. С другой стороны, учитывая непосредственный опыт гражданской войны Китая и роль в ней генералов, которые продали свою шпагу реакции, особенно на севере, Сун-Ят-сен сам становится во главе вооруженных сил юного правительства и сам начинает организацию противосеверной экспедиции.

С этого момента вся политика Сун-Ят-сена направляется по линии военной необходимости. Он производит объединение южных провинций на базе соглашения военных действий против Севера. Он производит собирание сил для тех же целей, он переносит свою ставку в Гвейлин, откуда в феврале текущего года начинает непосредственные операции против провинции Хуанань.

Неудивительно поэтому, что, когда к Сун-Ят-сену обращается с Севера Чжан-Цзо-лин с предложением совместных действий против У-Пей-фу, то Сун-Ят-сен не отвергает этого предложения, а начинает переговоры, учитывая стратегический интерес и выгоды для своей антисеверной экспедиции одновременного нажима на У-Пей-фу.

Было ли заключено военное соглашение между Сун-Ят-сеном и Чжан-Цзо-лином, трудно сказать, я лично склонен думать, что не было. Но самые переговоры между революционером Юга и реакционером Севера для первых сыграли роковую роль. Чжан-Цзо-лин был разбит на Севере, а его разгром эхом отразился на Юге, где тот же приятель и соратник Суна ген. Чень-Цзю-мин выступил против первого и в качестве главы войск провинции Гуандун заявил о неподчинении Сун-Ят-сену.

Наконец, в ночь с 15 на 16 июня в Кантоне был устроен переворот, заставивший Сун-Ят-сена бежать на военный корабль и дать приказ противосеверной армии идти на защиту революции к Кантону.

Значительная часть войск антисеверной экспедиции оказалась верной Сун-Ят-сену, и, по последним сведениям с

Юга Китая, там началась внутренняя гражданская война между сторонниками Сун-Ят-сена и ген. Чень-Цзю-мина.

Но последствия всего происшедшего на Юге чрезвычайно печальны для Сун-Ят-сена. То правительство, которое им было создано для пяти провинций Юга, распалось. Центр тяжести борьбы перенесся в Гуандунскую провинцию, и, если бы даже Сун-Ят-сен победил своего противника, перед ним стоит вновь старая задача—собрание Юга Китая.

Сун-Ят-сен не только активный общественный деятель Китая, но он один из идеологов китайской общественности. Целое поколение молодого Китая выросло на его идеях и является его учениками. Какова же эта идеология?

Сам Сун-Ят-сен формулирует ее в трех принципах: 1) Национализм, 2) Демократия и 3) Социализм.

«Национализм» в понимании Сун-Ят-сена—это образование единого Китая путем прочного объединения пяти наций, входящих в современный Китай: манчжур, монгол, тибетцев, магометан и китайцев под руководством последних. «Демократия»—это всеобщее избирательное право, право отзыва, референдум и т. п. «Социализм»—национализация земли. (Нечто вроде «единого налога» Генри Джорджа). В последнее время Сун-Ят-сен к этому присоединил еще национализацию крупной промышленности.

Выше мы отмечали, что китайская буржуазия с недоверием относится к Сун-Ят-сену, считая его фантазером. Причина этого лежит, конечно, в несоответствии между тем, что проповедует Сун-Ят-сен, и тем, что подсказывается классовым инстинктом молодой китайской буржуазии. Сун-Ят-сен—китайский интеллигент-революционер. Он начал свою революционную карьеру еще в тот момент, когда Китай только втягивался в сферу международных капиталистических отношений. Его последующая деятельность в Китае была, главным образом, с интеллигенцией Китая и мелкобуржуазным Югом, и это наложило на него свою печать—его идеология больше всего смахивает на идеологию наших эсеров.

И это, конечно, его слабая сторона, ибо, поскольку процесс капиталистического вторжения идет интенсивно, крупная буржуазия все больше и больше выступает в роли руководящего его класса (даже для Юга Китая) и Сун-Ят-сен теряет ту социальную базу, на которую он до сего времени

опирался. Это делает его социально неустойчивым и толкает его на путь политиканства, ярким примером чего могут служить его переговоры с монархистом Чжан-Цзо-лином. В погоне за политической выгодой Сун-Ят-сен здесь сделал принципиальный промах, скомпрометировав себя в глазах широкой китайской общественности. Но что могло удержать Сун-Ят-сена от этого шага?—Ничто! В его настоящем виде он внеклассовый революционер, националист, он мечется между разнообразными социальными группировками, но опереться на какую-нибудь из них, руководствоваться ее классовым чутьем он не может—отсюда политиканство, приводящее к беспринципности.

Но Сун-Ят-сен—революционер. Его историческая роль для Китая—роль революционера, бунтаря, который ломает тысячелетнюю косность Китая. Он—вечная оппозиция, вечная борьба, а это нужно для Китая, нужно для того, чтобы всколыхнуть Китай до самых глубин, привести его в движение и не дать ему вновь погрузиться в спячку. Эту роль Сун-Ят-сен выполняет с честью. И сейчас мы уверены, что крупная фигура Сун-Ят-сена не сойдет с политической сцены Китая.

Недавно, уже после переворота в Кантоне, Сун-Ят-сена спросили:

— Что вы намерены делать в случае неудачи на Юге?

Сун-Ят-сен ответил:

— Буду бороться до конца, превращусь в агитатора, буду вести борьбу за те идеи, которые я проповедовал до сих пор.

И это так похоже на него—отца китайской революции, что нельзя ни на минуту усомниться в его искренности. Он действительно будет бороться. И этим он страшен всему реакционному Китаю, а молодому Китаю при всех недочетах импульсивная, революционная фигура Сун-Ят-сена импонирует.

Такова импозантная фигура отца китайской революции Сун-Ят-сена, который сейчас переживает одну из критических минут своей многолетней борьбы.

Не коронованный «король» Манчжурии.

Манчжурия—это три самых северных провинции Китая, две из которых граничат с Россией. В прошлом Манчжурия дала Китаю династию Дай-Цингов, которая на протяжении трехсот слишком лет держала Китай в тисках монархии. В

Ген. Чжан-Цзо-лин.

настоящем Манчжурия—вотчина «генерал-хунхуза» Чжан-Цзо-лина.

Это тот самый генерал, который сражался с У-Пей-фу, оспаривая у последнего право на господство над Китаем, но потерпел поражение и с большим трудом сохранил за собою свою вотчину.

Чжан-Цзо-лин—это любопытнейшая фигура современно-

го Китая. В прошлом он хунхуз (китайский разбойник), в настоящем генерал-инспектор трех северных провинций Китая и почти неограниченный распорядитель судеб около тридцати миллионов населения этих провинций. Карьера Чжан-Цзо-лина тесно связана с Японией и ее деятельностью в Манчжурии, куда последняя пришла по праву победителя после русско-японской войны. Портсмутский договор закрепил за Японией право на южную Манчжурию, но для империалистической политики Японии этого было мало, она мечтала о полном вытеснении России из Манчжурии и для этой цели искала такого китайца, который был бы удобным орудием для осуществления ее планов. Таким человеком и оказался Чжан-Цзо-лин.

Но для Японии мало было одной Манчжурии, она мечтала о полном подчинении Китая своему влиянию, и это толкало ее на путь различных авантур. Основной задачей японской политики в Китае в течение последнего десятилетия было желание поставить так называемое официальное пекинское правительство под японский контроль. В этой игре в последние годы Япония на первое место выдвинула Чжан-Цзо-лина. Усилив его в Манчжурии, снабдив его средствами для создания большой армии, Япония, вместе с тем, все больше и больше внушала (а, может быть, и приказывала) ему взять под свой контроль пекинское правительство.

Особенно энергична Япония была к моменту Вашингтонской конференции, где она предвидела выступление против своей политики на Дальнем Востоке со стороны Америки. Япония вполне правильно учитывала, что если она не перестрахует себя в Китае, то Америка выбросит ее из Китая. Это-то и послужило причиной того, что почти сейчас же после Вашингтонской конференции Япония толкнула Чжан-Цзо-лина на путь вооруженной борьбы за право контролировать пекинское правительство.

Чжан-Цзо-лин не сопротивлялся, а, наоборот, развил максимум энергии в подготовке своего похода против У-Пей-фу. Он взял на себя инициативу выступления; он вытянул свои войска далеко южнее Пекина, словом, опираясь на поддержку Японии, Чжан-Цзо-лин действовал очень уверенно. Но, как известно, он провалился: У-Пей-фу его разбил под Пекином, и он должен был бежать в Манчжурию.

Где же искать причины поражения Чжан-Цзо-лина?

Прежде всего, в его непопулярности в Китае. В глазах китайского народа он был агентом Японии. За Чжан-Цзо-лином, за его победой должна была притти Япония, которую так страстно и искренно ненавидят китайцы. Непопулярность Чжан-Цзо-лина и его оторванность от основных манчжурских баз—вот, по существу, причина его поражения.

Уже после поражения Чжан-Цзо-лина, китайская радикальная печать убедительно доказывала, что между Чжан-Цзо-лином и Токио существовал подписанный договор, по которому Япония обязывалась помочь ему в его борьбе против У-Пей-фу, а он обязывался вести в отношении Японии политику наибольшего благоприятствования. Та же печать указывала, что текст этого договора попал Англии, а последняя услужливо сообщила его содержание У-Пей-фу,— это и положило начало той непримиримой вражды между У-Пей-фу и Чжан-Цзо-лином, которая закончилась вооруженной схваткой.

Однако, присматриваясь внимательнее к фигуре Чжан-Цзо-лина, было бы непростительной ошибкой рассматривать его исключительно, как японскую марионетку. Нам кажется, что Чжан-Цзо-лин прекрасно понимал свои слабые стороны, особенно находящиеся в прямой зависимости от его близости с Японией, и, идя на вооруженную борьбу с У-Пей-фу, он, по существу, ставил ставку на свое освобождение от японской опеки. Он понимал, что, находясь в Манчжурии, он обречен на японскую опеку, и что единственным выходом для него были Шанхай-Гуанские ворота, через которые он думал пройти в застенный Китай—в Пекин, где, прикоснувшись к основному Китаю, он мог бы получить ту силу, которая превратила бы его, «генерал-хунхуза», агента Японии, в национального героя, в вождя китайского народа.

Но Чжан-Цзо-лин, конечно, переоценил свое провинциальное значение. Рамки Китая оказались значительно больше его манчжурского величия, которое к тому же в значительной мере было отражением в мыльном пузыре, который услужливо надувался Японией.

Пузырь этот лопнул, как только его коснулся щтык У-Пей-фу, и Чжан-Цзо-лину пришлось подумать о том, как бы сохранить за собою Манчжурию.

То, что Чжан-Цзо-лин всерьез готовился играть роль властителя Китая, видно хотя бы из тех заявлений, которые он делал накануне своего выступления. Так, он в интервью с корреспондентом «Пекин энд Тяньзин Таймс» заявил:

— Я придаю большое значение Вашингтонской конференции и ее отношению к Китаю, так как я вижу в этом новую эру китайской политической жизни. Я надеюсь на воссоединение Китая в ближайшем будущем, так же, как и на экономическое и промышленное развитие страны.

Интересно отметить, что, идя на большую игру, Чжан-Цзо-лин пытался себя, что называется, подковать на все четыре ноги. Если он, с одной стороны, делал поклоны в сторону Вашингтона, то он кивал в сторону южного Китая, где сидел чрезвычайный президент Китая Сун-Ят-сен. Чжан-Цзо-лин понимал, что к У-Пей-фу ему трудненько будет справиться без соответствующей помощи и, особенно, такой, которая заставила бы У-Пей-фу раздробить свои силы, часть их оттянув на юг. Чжан-Цзо-лин рассчитывал, что это удастся достичь одновременным действием против У-Пей-фу как с севера, так и с юга. Отсюда и родились переговоры между ним и Сун-Ят-сеном.

Стратегическое значение этих переговоров бесспорно, и это характеризует размах той политической игры, которую затевал Чжан-Цзо-лин.

Сейчас это игра в прошлом, но Чжан-Цзо-лин все же остался фактором китайской политической действительности. Несмотря на свой первоначальный разгром и лишение его всех мандатов на управление Манчжурией, Чжан-Цзо-лин сначала довольно умело оттянул часть своих войск к Шанхай-Гуаню, где устроил рубеж, а затем сумел проделать довольно большую политическую работу в Манчжурии, которая дала ему возможность сохранить равновесие.

Конечно, Чжан-Цзо-лин обязан больше всего Японии, которая рядом закулисных нажимов дала понять, что она не допустит окончательного разгрома своего союзника. Но все же Чжан-Цзо-лин удержался в Манчжурии еще и потому, что он далеко не наносное явление в Манчжурии, не случайный хунхуз, как склонны его квалифицировать некоторые исследователи китайской жизни. Манчжурия — одна из богатейших окраин Китая. Здесь при наличии

больших земельных просторов и роста колонизации, получило развитие экспортно-торговое земледелие, которое обеспечило приток золота в Манчжурию и содействовало образованию значительного слоя китайской торговой буржуазии. Это же, в свою очередь, повело к разворачиванию промышленных предприятий и, в особенности, к оживленному росту различных кредитных учреждений.

Чжан-Цзо-лин не только генерал-инспектор, но и первый купец в Манчжурии; он пайщик и участник почти всех наиболее солидных предприятий Манчжурии; он самый крупный вкладчик местных банков. Если при подготовке его выступления против У-Пей-фу манчжурская буржуазия должна была его поддерживать из расчета, что его победа принесет для нее выгоды, то вполне понятно, что в момент его поражения эта же буржуазия ясно понимала, что при полном разгроме Чжан-Цзо-лина, Манчжурия в финансово-экономическом отношении потерпит крах, от которого оправиться ей будет очень трудно.

Отсюда, как вывод, — поддержка Чжан-Цзо-лину.

Вообще Чжан-Цзо-лин любопытный пример «срачивания» китайского милитариста с туземной буржуазией. Его административное положение дало возможность концентрации значительных капиталов, а это повлекло за собой вовлечение его в промышленное и торговое предпринимательство. Этот процесс очень характерен для Китая, как путь к собиранию и концентрации китайского национального капитала.

Сейчас Чжан-Цзо-лин остается в Манчжурии. Он разбит, но не уничтожен. Он выведен из строя, как активно действующая сила, способная угрожать сегодня, но он может быть угрозой в будущем. Он собирает силы и пытается оправиться.

Будет ли его поддерживать Япония, или он ей больше не нужен?

Нам думается, что при современном международном положении на Дальнем Востоке, Чжан-Цзо-лин нужен для Японии больше, чем когда-либо. Япония поставлена в необходимость защищаться против американского нажима. Она ставит своей основной задачей удержаться в Манчжурии, которая одновременно защищает Корею и является буфером

между Китаем и Россией. И, конечно, Чжан-Цзо-лин нужен для Японии.

Япония дошла до предела, когда расширение ее могущества поставлено под вопрос, когда она чувствует начало организованного похода против японской великодержавности на азиатском континенте. И это толкает Японию к сохранению тех из своих союзников, которые могут ей пригодиться. Поэтому для нас нет никакого сомнения, что Япония будет прилагать все усилия к тому, чтобы восстановить способность Чжан-Цзо-лина.

Образование «манчжурского буфера» — идея Японии, она ею подсказана Чжан-Цзо-лину. И если пекинское правительство, вновь образованное китайским парламентом, не найдет путей к политическому изживанию идеи этого буфера, то последний может превратиться в серьезную угрозу, и новая вооруженная борьба будет неизбежна.

Чжан-Цзо-лин олицетворяет собою возможность реставрации в Китае монархии. На это его толкает, как Япония, так и тени былого величия манчжур, в столице которых — Мукдене — он сейчас живет. И республиканский Китай, в лице У-Пей-фу, учитывает эту угрозу и готовится к ее отражению.

Но, если Чжан-Цзо-лин — угроза для республиканского Китая, то он вместе с тем объективно является угрозой вообще для мира на Дальнем Востоке; в этом отношении он — реакционная сила, которая, несомненно, должна быть изжита, иначе Дальний Восток еще долгие годы не сможет получить успокоения и мира.

В ставке генерала У-Пей-фу.

Получив от У-Пей-фу любезное письмо с приглашением в свою ставку, я не преминул воспользоваться его приглашением и с секретарем отправился в путь.

Ставка генерала У-Пей-фу в тот момент находилась в Бао-Дин-фу, в пяти часах езды по железной дороге от Пекина. Бао-Дин-фу — небольшой городок, но, в силу того, что он является резиденцией Цао-Куня, генерал-инспектора трех провинций, он играет роль административного центра.

Уже в поезде невольно на себя обращает внимание большое количество военных и высших чиновников, едущих из

Штаб ген. У-Пей-фу.

× Ген. У-Пей-фу

Пекина в Бао-Дин. Не в Пекине, официальной столице Китая, а там, в Бао-Дин, в ставке У-Пей-фу, центр современной политической жизни Китая. Отсюда идут руководящие директивы, здесь намечаются вехи новой политики, имеющей задачей объединение Китая.

Самый Бао-Дин-фу переполнен представителями разных провинций. Тут можно было найти представителей самых разнообразных уголков Китая. Две небольших гостиницы Бао-Дин-фу переполнены, и нам с большими усилиями, при помощи офицера штаба У-Пей-фу, удается обеспечить себя помещением.

Первое впечатление такое—попали в военный лагерь, где все подчинено военной нужде. По улицам маршируют отряды солдат. На вокзале разгружаются эшелоны артиллерии, только что прибывшей с фронта из-под Шанхай-Гуаня. По узким лабиринтам переулков ползут китайские арбы, груженные армейским имуществом. Всюду караулы...

В девять часов утра мы в штабе У-Пей-фу.

В большом кабинете, обставленном по-европейски, встретил нас У-Пей-фу и, со свойственной китайцам любезностью, приветствовал нас. Среднего роста, немного сутулый, в скромной одежде, с мягкой улыбкой, он с первого же взгляда производит впечатление скромного и мягкого человека. И только внимательно наблюдая его в процессе разговора, можно было подметить, что за этой мягкой внешностью скрывается большая сила воли, которая так выгодно отличает У-Пей-фу среди политических деятелей современного Китая.

До начала своей военной карьеры У-Пей-фу окончил университет со степенью бакалавра китайской классической литературы и был конфуцианским ученым, печать чего на нем осталась до сего времени. Конфуций учил всегда быть приятным и вежливым—У-Пей-фу остается его верным учеником. Нам пришлось следовать примеру нашего любезного хозяина.

— Я отношусь с большой симпатией к Советской России. К сожалению, военная обстановка не дает мне возможности сделать необходимые шаги,—как бы оправдываясь, начал У-Пей-фу беседу.—Китай переживает момент исключительного напряжения. Все внимание сейчас поглощают внутренние дела.

— Какие же задачи вы себе ставите сейчас?

— Две задачи: объединение Китая и создание национальной армии. Без осуществления этих двух задач Китай не сможет добиться национального возрождения.

— Какой же путь национального возрождения Китая по-вашему более вероятен?

— В первую очередь—объединение с Югом. Я думаю, что созыв старого парламента облегчит нам эту задачу, хотя должен признаться, что задача эта не легкая. Сейчас у меня гостят представители южных провинций; с некоторыми из них мы договорились, но в отношении большинства предметом разногласий является вопрос об автономии провинций. Я не противник автономности провинций, но я не могу отказаться от централизма, который нам необходим для концентрации своих сил в борьбе за независимость.

— А как вы представляете себе роль генерала Чжан-Цзо-лина в Манчжурии?

— Ему я придаю мало значения. При всей поддержке Японии он не может быть страшным для Китая, поскольку последний имеет в тылу у него такого естественного союзника, как Советская Россия.

Сильно оживился У-Пей-фу, когда начал рассказывать о своих предположениях и работе по созданию национальной армии.

— Ядро национальной армии уже есть—это мои дивизии, которые закалены в боях. Другие части придется чистить, в некоторых случаях переформировывать. Но все же я оптимистически смотрю на дело создания национальной китайской армии. Завтра я выезжаю в Лоян, чтобы там заняться вопросами реорганизации армии.

Глядя на его возбужденное лицо, мне вспомнились недавние беседы с некоторыми американцами, которые уделяли исключительное внимание У-Пей-фу. Сначала они доказывали, что У-Пей-фу необходимо поехать в Америку для того, чтобы познакомиться с государственным строем Соединенных Штатов, и такое предложение сделали У-Пей-фу, но он его отклонил. И очень они были настроены против Лояна, где до апрельских событий находилась ставка У-Пей-фу, и куда он теперь опять собирается ехать.

И это возмущение практичных янки не трудно было по-

нять. Их смущало и им не нравилось, что У-Пей-фу ускользал от их влияния и опеки. Они привыкли опекать свои жертвы в Пекине, где так называемое китайское правительство было под стеклянным колпаком международного наблюдения. Для этого и существует в Пекине «посольский квартал», где живут агенты всех стран, изо дня в день опутывавшие Китай тенетами своей опеки.

У-Пей-фу — сегодняшней властитель Китая — ускользает от этой опеки. Лоян далеко в сердце Китая, туда трудно попасть, там хозяин сам У-Пей-фу. Он может принять, но может и отказать. Каждого приехавшего он сам держит под стеклянным колпаком своего наблюдения. Это так непривычно, это так «обидно» для джентльменов из Вашингтона, что они не прочь выразить сомнение в государственной мудрости У-Пей-фу.

Но У-Пей-фу — националист. Он думает о возрождении Китая путем, прежде всего, освобождения от иностранной опеки. Он знает, что пути освобождения Китая лежат через борьбу. В Лояне он готовится к борьбе, и он мало заинтересован, чтобы кто-нибудь знал об его военной работе. Он предпочитает огорошивать так, как он огорошил Японию в только что минувшей схватке с Чжан-Цзо-лином, когда он расколотил последнего, а вместе с тем и поддерживавшую его всеильную милитаристку — Японию.

— Как вы относитесь к проектам разоружения Китая?

— Да, многие, действительно, хотят разоружения Китая, — с улыбкой ответил У-Пей-фу, — но Китай отнюдь не собирается разоружаться. Мы ставим вопрос о сокращении наших армий и реорганизации последних в единую национальную армию с централизованным руководством.

Эти «многие» — те же практичные янки, которые преподнесли не один проект У-Пей-фу о «разоружении Китая». Они договорились до того, что рекомендовали Китаю сохранить одну жандармерию «для подавления внутренних беспорядков», а внешнюю безопасность Китаю гарантировали «международной охраной». Поэтому понятна была ироническая улыбка У-Пей-фу.

Ген. У-Пей-фу — талантливый солдат. Он обнаружил не только личную храбрость, не только умение командовать большими войсковыми соединениями, но и большое умение

в деле военной организации и подготовки своих солдат. Большое значение он придает политическому воспитанию солдат, прививая им лозунги национального движения Китая. У него введена система обязательного обучения солдат грамотности. Ежедневно каждый солдат обязан изучить четыре иероглифа. Его войска щеголяют с красной повязкой на руке и знанием, за что они борются.

— Я с большим интересом следил за борьбой вашей Красной Армии,—говорит У-Пей-фу.— Меня интересует та политическая работа, которая сыграла одну из решающих ролей в вашей борьбе. Мы, китайцы, стремимся использовать ваш опыт.

Дальше У-Пей-фу забрасывает меня вопросами о трудовых армиях, о подготовке командного состава и т. д.

— В Лояне я должен заняться вопросами реорганизации армии,—говорит У-Пей-фу,—хочется воспользоваться опытом вашей страны.

Чарующее впечатление производит ближайший помощник У-Пей-фу, его советник по политическим делам Пай, который присоединяется к нашей беседе.

Вообще, около У-Пей-фу немного народа, но, как видно, надежного и испытанного. Не в пример обычной китайской медлительности, здесь царит оживление и деловитость. Длинные вереницы посетителей быстро разгружаются секретариатом У-Пей-фу.

Пай больше внимания уделяет политическим вопросам. Его интересует общая международная обстановка, в которой он очень хорошо ориентируется.

— Сейчас происходит перегруппировка международных сил. С кем пойдет Китай?—задаю я вопрос.

— Наша схема,—отвечает Пай,—Россия, Германия, Китай. Это должно послужить базой для дальнейших перегруппировок. Для Китая этот путь нужен в интересах осуществления своих национальных задач.

— На какие силы и слои Китая вы пытаетесь опереться?

— Сейчас нас поддерживают широкие демократические слои населения Китая. Мы думаем внести в созываемый парламент ряд законопроектов по охране труда и этим достичь соглашения с трудовыми массами Китая.

Это, так сказать, кардинальный вопрос. Ибо, на самом деле, как понять и оценить значение и роль У-Пей-фу. Он популярен в Китае, он победитель, он держит в своих руках армию и даже больше—он контролирует пекинское правительство. Его ставленники сидят в министерствах: финансов, путей сообщения, внутренних дел и т. п. Даже больше, ни для кого не секрет, что бывший президент Китая Сюй-Ши-чан уехал в Тяньцзин на покой потому, что таково было желание У-Пей-фу. Словом, У-Пей-фу—реальная сила, с которой нельзя не считаться, которая призвана играть исключительно крупную роль в судьбах Китая.

Но чьи интересы представляет У-Пей-фу, представителем какого класса он является,—вот вопрос, который требует ответа.

После университета У-Пей-фу окончил Кай-Тинскую военную академию. Он, начиная с чина младшего офицера, прошел длинную армейскую школу, участвуя в гражданской войне в Китае на стороне Северного Китая. Военное счастье улыбалось ему, и он оказался во главе китайских вооруженных сил. И в последние годы, по мере того, как военная звезда его загоралась все ярче, ему все больше и больше приходилось втягиваться в сложную игру политических группировок.

В 1920 году, разгромив японофильский клуб «Ань-Фу», У-Пей-фу выступает на политическую арену в качестве националиста. Сейчас, разгромив японофила Чжан-Цзо-лина, У-Пей-фу выкидывает знамя национального объединения Китая.

В целом, линия поведения У-Пей-фу совпадает с желаниями самых разнообразных слоев Китая. Национальное освобождение—мечта китайской интеллигенции, мелкой и крупной буржуазии, поэтому неудивительно, что они его и поддерживают в первую очередь. Для рабочего класса Китая и радикальных группировок генерал У-Пей-фу остается только лучшим из милитаристов, но они в момент борьбы между ним и Чжан-Цзо-лином отдали предпочтение У-Пей-фу.

Но было бы ошибочным считать У-Пей-фу выразителем надклассовых национальных чаяний и настроений Китая.

У-Пей-фу родился и вырос, как военно-политическая

сила, в срединном Китае, где, при помощи иностранного капитала, родилась и сейчас растет крупная китайская торговая и промышленная буржуазия. С каждым днем она все больше и больше крепнет и политически осознает себя. Сейчас она тянется к власти и рассчитывает эту власть получить при посредстве шпаги У-Пей-фу. Она стремится подвести под У-Пей-фу свою базу, вложить свое содержание в понятие тех национальных интересов Китая, рыцарем которых является У-Пей-фу.

Как быстро пойдет этот процесс сращивания «лучшего милитариста» с крупной буржуазией, предугадать довольно трудно, но тенденция такая существует.

Проведя два дня в ставке гостеприимного У-Пей-фу, мы тепло распрощались с ним и покинули Бао-Дин-фу. Всю обратную дорогу нам навстречу шли эшелоны 23 дивизии, возвращавшейся из-под Шанхай-Гуаня, где закончились военные действия, и было подписано перемирие.

На вокзале в Бао-Дине мы оставили готовый поезд, который должен был увезти У-Пей-фу в Лоян, где лучший из милитаристов Китая должен продолжать собирание сил для борьбы за независимость Китая.

ГЛАВА VI.

Китайская культура.

Китай очень долгое время был в состоянии застоя и «спячки», недаром его кто-то назвал исторической окаменелостью. Но вот пришла великая китайская революция, и окаменелость начала оживать.

Китай сегодняшнего дня уже во многом отличается от Китая прошлого. И это только подчеркивает огромную роль китайской революции, ибо всколыхнуть китайскую косность—это задача не легкая. Сотни миллионов населения—слишком толстый и тяжелый пласт для какого-угодно плуга революции. И те социальные процессы, которые подготовляли революцию и продолжают ее сейчас, несомненно, сыграли огромную роль в деле расслоения монолита китайской косности. Лучше всего это можно видеть в быте, который у китайцев чрезвычайно устойчив, сохранивши свой характер с самых отдаленных времен древности, почти до начала нынешнего столетия.

Кто не слышал о так-называемых «китайских церемониях», о патриархальных обычаях китайской семьи, о культуре предков и т. п. особенностях китайцев.

Для широких масс китайского населения это все пока только чуть-чуть тронута революцией, но все же тронута. Зато для верхов китайской общественности, для промежуточных прослоев китайской интеллигенции, торгово-промышленной буржуазии и т. п.—многое из этого в прошлом. Здесь произошли огромные сдвиги, огромный психологический перелом, который с каждым днем углубляет пропасть между старым бытом и новым, создающимся под влиянием европейской цивилизации.

«Китайская грамота» и китайская безграмотность.

Для больших народов, исчисляющих себя сотнями миллионов, обычно всякий процесс социальной ломки труден и тяжел. Особенно, когда это касается задач положительного свойства, и когда приходится сталкиваться с такими препятствиями, как темнота и безграмотность.

Китай, несмотря на свою тысячелетнюю культуру, не оказался исключением из общего правила. При своей исторической косности он оказался также и безграмотным, и ему пришлось поставить вопрос о ликвидации своей безграмотности, так же, как это пришлось сделать Советской России после Октябрьской революции.

Кто не слышал о «китайской грамоте» — тех тысячах иероглифов, которые с трудом поддаются изучению. Вот эта трудность китайской грамоты, требующая слишком много времени для ее изучения, а равно те сословные перегородки, которые существовали в Китае до революции, и являются основой китайской безграмотности.

В прошлом образованность была привилегией состоятельных людей, а в сословном делении Китая — ученые, как сословие, стояли на первом месте. Дальше шли земледельцы, ремесленники и купцы. Образованным в Китае считался тот, кто знал наизусть древнейшие памятники китайской письменности и большое количество иероглифов. Отсюда та китайская ученость, которая вела к мандаринским шарикам и власти в Китае.

Революция срезала мандаринские шарики и безжалостно разоблачила китайскую псевдо-ученость и откровенно сказала, что Китай безграмотен, что если он не хочет оставаться в тисках международного империализма, то он должен учиться и в качестве основной предпосылки реформировать «китайскую грамоту», сделав ее общедоступной.

В результате так называемая письменность, насчитывающая свыше десятка тысяч обычно необходимых иероглифов (мандаринская), была реформирована в «байхо», разговорный язык, дающий возможность оперировать тремя тысячами иероглифов. А в последние годы наблюдаются тенденции к введению звукового метода преподавания, но это пока только отдельные попытки.

Школа. Заседание педагогического совета.

Китайская музыка.

По переписи китайского министерства народного просвещения, произведенной в 1916 г., Китай насчитывал 129.739 школ с четырьмя с лишним миллионами учащихся и почти двумястами тысяч учителей.

Живопись.

Из этого количества 118.852 школы были народными, 414—средние школы, 211—учительские семинарии, 10 педагогических институтов и около 8.000 ремесленных и профессиональных школ.

Революция двинула Китай по пути ликвидации безграмотности, но что значит 4 миллиона учащихся для 500-мил-

лионного Китая. Здесь нет и одного процента. Да к тому же и самый характер китайской грамоты способен в школе дать очень немного, даже при современном реформированном преподавании.

Безграмотность — основное препятствие китайской действительности. Интересно, что «лучший из милитаристов» У-Пей-фу, пытающийся организовать политическое воспитание своих солдат, должен был ввести обязательное обучение в войсках по четыре иероглифа в день, из расчета, что год такого обучения даст возможность солдату читать газету и тем сделать его восприимчивым к политическому воспитанию.

Борьба с безграмотностью—это основной лозунг, это главная точка приложения деятельности китайской интеллигенции.

Современная китайская интеллигенция.

С каждым годом кадры китайской интеллигенции растут. Она, так сказать, двух сортов: первый—заграничного производства, учившиеся в Америке, Японии или Европе; второй—национального производства.

Вторая, на наш взгляд, более ценна для Китая, ибо она не испорчена и не развращена так, как первая, разлагающим влиянием американского и европейского империализма, который, давая возможность китайцам учиться в своих школах, приспособляет последние для нужд обработки юных китайских голов в свою пользу.

Сами китайцы говорят, что «американизированному» китайцу, учившемуся в Америке, слишком долго по возвращении на родину приходится чистить свои мозги от того засорения, которое там произведено американцами. И это верно. Америка пытается из своих питомцев-китайцев приготовить тип посредника между американским капиталом и Китаем. В лучшем случае американизированный китаец усваивает себе американское делячество.

Китайская интеллигенция, воспитанная в самом Китае, отличается идеалистическими порывами. В своем настоящем виде она напоминает нашу интеллигенцию семидесятых или восьмидесятых годов.

Даже лозунги, которые сейчас в ходу у широкой массы китайской интеллигенции, тоже чрезвычайно похожи на ло-

зунги семидесятников. «В народ», «служение народу», — это очень популярно среди китайской интеллигенции и особенно среди учащихся.

И китайская интеллигенция идет в народ. Она укомплектовывает собой учительство народных школ, переводит с «мандаринского» на «байхо» книги, издает газеты, читает общедоступные лекции и т. п.

В среде китайской интеллигенции идет большое брожение, намечающее, впрочем, уже сейчас процесс кристаллизации идеологически самоопределяющихся группировок. Она свободна от религиозных предрассудков, ее не прельщает конфуцианство, но она внимательно и чутко отнеслась к западным идеям анархизма, марксизма и т. п. Еще недавно многие из китайской интеллигенции увлекались Крапоткиным и др. корифеями анархических идей. Наряду с этим было увлечение социалистическими схемами. Научный марксизм пришел позднее и сейчас начинает с каждым днем приобретать все большее и большее влияние на умы китайской интеллигенции.

Интересно отметить, что еще недавно была группа китайской интеллигенции, которая работала в тесном контакте над вопросами реконструкции Китая. В состав этой группы входили: профессора Чен-Ду-сю, Ху-Ши, Цай-Юн-пей, Ли-Да-чао и др. Эта группа создавала «байхо», переводила на него китайскую классическую литературу, развертывала схемы народного образования в Китае и т. п.

Сейчас эта группа распалась. Но, как распалась. Ее члены сейчас стоят во главе различных идеологических течений, которые выходят на политическую арену китайской общественности, как активные силы.

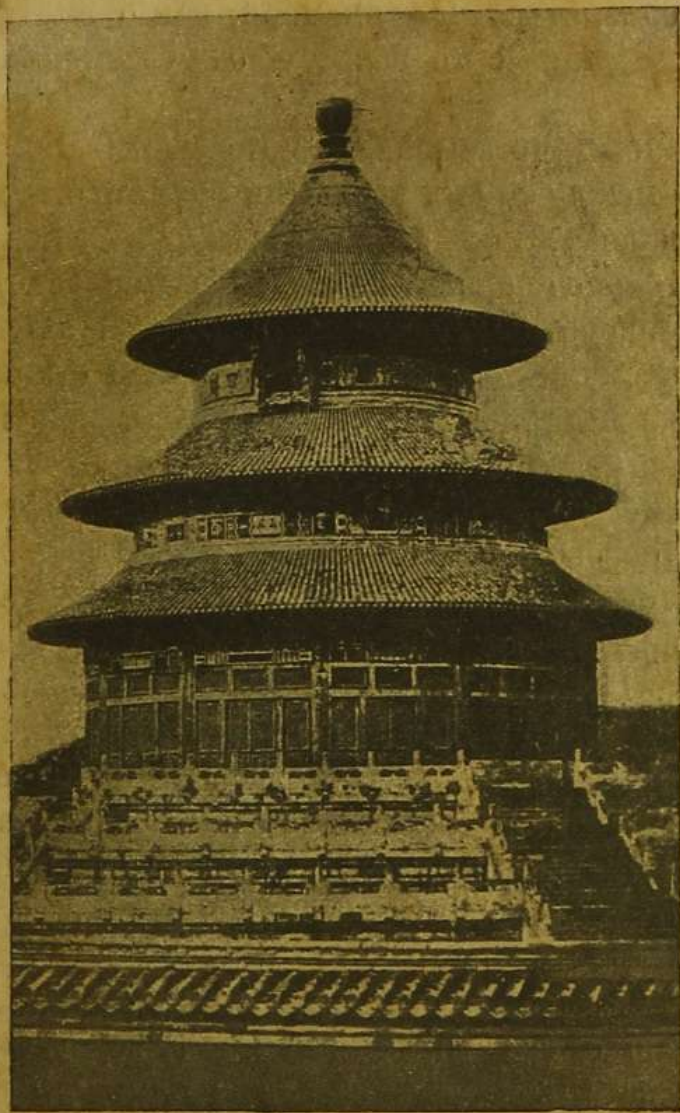
Проф. Ху-Ши стоит во главе китайской индивидуалистической мысли. Проф. Цай-Юн-пей — нынешний ректор пекинского национального университета, превратился в китайского либерала, который пытается организовать «партию прогрессистов». Наконец, проф. Чен-Ду-сю стал во главе китайских марксистов, которые не только стали во главе нарождающегося китайского рабочего движения, но и выходят на политическую арену в качестве политической силы.

И, конечно, каждый из названных выше представителей китайской интеллигенции по-разному сейчас трактует за-

дачи китайской революции и будущие судьбы Китая. Каждый по разному оценивает те социальные силы, на которые сейчас опираются он и его вчерашние идейные друзья, а сегодняшние враги.

Приглядываясь внимательно к китайской общественно-

Архитектура. Пагода в «Храме Неба».

сти, можно поразиться тому большому количеству кружков и группировок, которые зарождаются в недрах китайской интеллигенции. Но это законные пути поисков себя в дальнейшем, они по мере роста своей кристаллизации сливаются с идеологически родственными им группировками, в общем сливаясь в один мощный поток пробуждающегося Китая.

В гостях у китайских журналистов.

Редакция одной из больших китайских газет устроила обед в честь нас, русских советских журналистов. Главной причиной устройства этого обеда было желание побеседовать и взаимно обменяться информацией, как о внутреннем положении Китая, так и по вопросу о русско-китайских отношениях.

Момент был чрезвычайно интересный. Вокруг Пекина шла борьба между двумя военными группировками У-Пей-фу и Чжан-Цзо-лина. Нам был слышен гул канонады пушек, но действительное положение вещей было неясно, ибо тысячи самых противоречивых слухов путали и затемняли ход борьбы. Поэтому мы с большим интересом откликнулись на предложение китайцев и в назначенное время направились в помещение редакции.

Лабиринт узких переулочков знаменитого пекинского Чен-мена (торговой части Пекина), целый ряд дворишков, — и мы в простой китайской фанзе, где нашли человек около двадцати представителей наиболее крупных китайских газет Пекина. Впрочем, было, кажется, несколько специальных корреспондентов шанхайских и тянцзинских газет.

Знакомимся. Начинается беседа. Один из соредкторов «Дзинь-бао», спец по военным делам, рисует нам картину фронта в последнюю минуту. Но и в его сообщении, и в общем настроении присутствующих чувствуется какая-то настороженность.

— В чем дело? — спрашиваю я у хозяина.

— Пришло несколько представителей газет, ориентирующихся на Чжан-Цзо-лина.

Это объясняет все. Но нам интересно получить истину, и мы не прочь столкнуть две стороны лбами, но из этого ничего не выходит. Каждая из сторон осторожна.

Начинается китайский обед, состоящий из пятидесяти или шестидесяти разнообразных микроскопических блюд, приправленных острыми приправами и соусами. Китайцы ловко орудуют палочками, заменяющими им вилки; мы неумело следуем их примеру, стараясь не «потерять лицо», как говорят китайцы.

Китайцы любят поесть. Свою кухню они культивировали в течение тысячелетий. Еда действует на китайцев возбуждающе, и мы имели случай в этом убедиться. Обед развязал языки, и разговор сделался оживленным.

После обеда «нежелательный элемент» покинул наше собеседование, и мы остались в кругу представителей либеральной и радикальной печати, которая заговорила более свободным языком.

Разговор перешел к русской революции. Мы стараемся

Мост.

удовлетворить любопытство наших собеседников, отвечая на их многочисленные вопросы. Но здесь далеко не простое любопытство. Нет, представители китайской журналистики жадно впитывают в себя то, что им могут дать живые свидетели великой революции.

— Мы учимся на опыте русской революции, — говорит мой сосед, молодой редактор одной из распространенных пекинских газет.

И он не преувеличивает. Посмотрите на китайскую печать, и вы увидите, как много внимания она уделяет русским делам. С большой охотой она печатает ту информацию,

которую дает в печать наше информационное бюро в Китае «Роста». Появляется много оригинальных статей, посвященных русской проблеме.

Вообще же газета и журнал в Китае занимают все более и более прочное положение в качестве боевого орудия китайской интеллигенции. Правда, очень часто газета служит также орудием борьбы и в руках китайской реакции и иностранных империалистов, которые учли значение печати и не жалеют денег на подкуп печати и создание собственных органов, способных выполнять данные им задания.

Газет последнего типа очень много издается на деньги японцев и американцев, а также китайских военных группировок и отдельных милитаристов.

Но все же далеко не вся китайская печать продажна, как это склонны думать некоторые из наблюдателей китайской действительности. Есть органы китайской независимой мысли, которые имеют мужество и смелость в самые тяжелые времена называть вещи своими собственными именами.

С введением «байхо» издание популярной и удобочитаемой для большинства газеты значительно облегчилось. Сейчас по Китаю издается до 600 газет. В одном же Пекине их несколько десятков. Но самая техника набора и особенно касса китайской наборной громоздка и неудобна.

Растет также количество журналов, издаваемых китайцами, как общих, так и специальных, посвященных самым разнообразным вопросам.

Книгоиздательство в современном Китае поставлено на широкую ногу. В Пекине, Тяньцзине и особенно в Шанхае вы можете найти огромные книжные магазины, которые дают представление о китайской книге. Издаются: учебник, научная книга и книга легкого чтения, включительно до лубка, который, кстати сказать, имеет очень широкое распространение в Китае.

Другой случай, когда нам пришлось побывать в гостях у китайских журналистов, — митинг китайских журналистов, устроенный последними в пекинском «Центральном парке» в знак протеста против роста милитаризма в Китае.

Это, между прочим, одна из ходячих тем, которая без конца варьируется китайской общественностью и китайской журналистикой. В китайских условиях гражданской войны,

длящейся целых десять лет, это понятно. Militarизм в Китае не только питает гражданскую войну, но и высасывает все соки, нарушая нормальное развитие.

С другой стороны, позиция отрицания милитаризма является удобной для так называемых «нейтралистов», ко-

Колонны драконов.

торые балансируют между борющимися в Китае милитаристическими группировками, не желая открыто присоединяться ни к одной из них.

Митинг протеста собрал значительное количество преимущественно молодых журналистов, которые были решительны в своих выводах и оценках. Их не смущали

шкики, которые вертелись тут же и записывали каждое слово.

Здесь интересны были выступления представителей так называемого легального марксизма. Оценивая роль и значение складывающихся политических группировок в Китае,

Скульптура.

эти представители преимущественно радикальной печати останавливали внимание своих слушателей на экономике Китая и тех перспективах его капиталистического развития, которые неизбежно вели к появлению на политической арене Китая буржуазии и пролетариата.

Аудитория внимательно слушала и щедро награждала этих ораторов дружными аплодисментами. Из настроения ауди-

тории можно было сделать вывод, что эти речи не впервые уже раздаются в Китае. К ним уже привыкли, многое усвоили и поняли, поэтому они и не вызывают протестов со стороны инакомыслящих.

Интересен и сам по себе «Центральный парк», который является своеобразным большим клубом китайской интеллигенции в Пекине, где журналисты занимают руководящую роль. Под тенью столетних деревьев, за плетеными столиками рассыпаны обычно группы, которые оживленно обмениваются последними новостями. Здесь происходят деловые встречи, тут устанавливаются заседания, тут нити информации, которая питает повседневную китайскую печать.

Большая печать, с налетом американизма, существует в Шанхае, этом капиталистическом центре Китая. Но здесь она резко делится на две фракции: одна — обслуживающая нарождающуюся китайскую буржуазию; другая — печать националистов, преимущественно обслуживающая интересы партии «Го-мин-дан», субсидируемая Южным Китаем. Первая более многочисленна, зато вторая более солидна по своему содержанию и четкости задач, которые она себе ставит.

Наряду с этим, следует отметить появление в последнее время рабочей китайской печати. Имеет свои органы социалистическая молодежь Китая. А в последний момент стоял вопрос о возможности появления большого боевого органа в виде ежедневной газеты, руководимой китайскими марксистами. О журналах этого направления говорить не приходится, ибо они уже несколько лет существуют в Китае, и на них учится марксизму молодое китайское поколение.

Китайский театр.

В меньшей степени дыхание китайской революции коснулось китайского театра. Последний представляет образчик китайской косности, где, между прочим, сконцентрирован быт окаменевшего Китая, — Китая прошлого. И это прочно держит театр в своих руках.

Чрезвычайно своеобразна вообще бытовая сторона театра с его разделением зрительного зала для мужчин и женщин, с неизменным чаепитием, полотенцами, смоченными горячей

водой, которые летают поверх голов зрителей (горячим полотенцем освежают вспотевшие лица), шумом и гамом, который заглушает речь или пение актера на сцене; все это производит своеобразное впечатление, приближающее китайский театр к нашим ярмарочным народным театрам.

Но китайский театр имеет вообще такой облик, и в этом отношении чрезвычайно своеобразен.

Китайская сцена—больше эстрада, нежели глубокая сцена, полная всяких приспособлений, в нашем понимании.

Китайский театр.
(Костюмы и грим китайских героических пьес).

Декорация на китайской сцене носит больше условный характер. Костюм соответствует содержанию пьес, но репертуар китайского театра весь в прошлом. Это историзм, это героический эпос прошлого Китая, о котором поют и рассказывают на сцене, но игры в большинстве случаев нет. Особенно это касается китайской оперы.

В прошлом китайский актер, наряду с кули (рабочим), палачем, цырюльником, тюремщиком и т. п., стоял вне гражданской жизни сословного Китая. Он, подобно всем перечисленным категориям, был отверженным, и это, очевидно,

наложило неизгладимый след на китайский театр, где еще до сих пор роль женщины на сцене играет преимущественно мужчина.

Сейчас в таких ролях выступает китайская знаменитость—Мелай-Фан, который не только собирает большие сборы по повышенным ценам, но и пользуется такой популяр-

Театр. (Костюм).

ностью, что портреты его красуются на обложках конфет, которые тоже именуются «мелай-фанками».

Китайская драма вся состоит из диалога, почти без игры. Только в недавнее время в драму, наряду с сюжетом современности, начинают вводить действие, жест, мимику.

В Пекине сейчас образовался кружок любителей театра, который поставил своей задачей произвести «революцию» в

китайском театре. Это своеобразные китайские «октябристы» от театра. Но я затрудняюсь квалифицировать их задачу, — труднее она или легче наших «октябристов». Китайская косность делает их задачу безмерно трудной, скромность требований введения на сцену женщины в виде артистки, игры

Театр. (Костюм).

и действия в качестве неперемного условия, — все это слишком мало и скромно с точки зрения наших «октябристов».

Апостолом нового китайского театра является Чан-Дапей, который стоит во главе кружка и одновременно является редактором журнала, посвященного китайскому театру.

Интересно отметить, что русской оперетке, судьбой заброшенной в Пекин, на наших глазах играть роль «показательной» школы, которой во главе Чан-Да-пей. Он создал среди китайцев ряд классных русских «знаменитостей» ряду артистической и этим привел в русский театр учащуюся интеллигенцию.

Театр. (Костюм).

Но, к сожалению, оперетка, работающая из-за ба, собранная с бору и сосенки, не смогла выде «показательное» назначение. Тем не менее, Чан-Да-пей, достиг своей задачи, и, вероятно, от скрской оперетки китайский театр свернет на каку проселочную дорожку своего обновления, чтобы, быть может, найти для себя широкий пут

Но при всем этом китайский театр своеобразен. Театр «Петрушка», театр марионеток, — вот то первое впечатление, которое он создает для свежего человека.

Китайский театр — концентрированный сгусток китайской культуры с ее достоинствами и недостатками.

Китайская культура и европейская цивилизация.

Китай европеизируется, — так формулируют некоторые из исследователей Китая тот процесс, который сейчас действительно происходит в нем. Этот процесс тем больше, чем больше вовлекается Китай в сферу международного товарообмена.

Таран экономической необходимости пробивает стену китайской косности, и в эти бреши идет европеизм. Революция срезала традиционные китайские косы, она одела китайскую армию по образцам, приближающимся к европейским. Большинство учащихся, приезжающих из Америки и Европы, щеголяют в европейском платье.

Но не только это. Есть тенденция насадить в Китае европейскую культуру, т. е. заменить китайский театр, искусство, живопись и т. п. европейскими. Некоторые чудаки всерьез об этом думают и полагают, что такая подмена китайского европейским завершит процесс европеизации Китая.

Однако, живая действительность этой европеизации не дает пока желаемых результатов. Европа идет по обычным путям наименьшего сопротивления. Она бессильна дать свою культуру и дает только ее механизированное отображение в виде европейской цивилизации. Конечно, не европейская опера и драма идут в Китай, а кинематографическая фильма пытается противопоставить китайскому театру европейский или американский уголовный роман на экране. Не картины европейских художников, а репродукция из Европы пытается подменить китайскую живопись и т. д.

Словом, Китаю преподносится культура второго сорта. И это понятно, это обуславливается целым рядом причин, из которых первой и самой главной является та, что Европа смотрит на Китай, как на отставшую страну, которая может удовлетвориться крохами от европейской культуры.

Но здесь, несомненно, и есть ошибка. Китай отстал— это верно, но он имеет свою тысячелетнюю культуру, и вряд ли от него можно ждать полной капитуляции на милость европейской цивилизации.

Сейчас Китай жадно стремится заимствовать европейскую технику. Сеть железных дорог с паровозами, управляемыми китайскими машинистами, телеграф и радио-телеграф, телефон, фабрики и заводы с европейскими машинами, арсеналы и доки—все это нужно пробуждающемуся Китаю.

Для чего?

Для борьбы за национальную независимость,—так формулирует свой ответ молодой Китай.

Но это европейская техника, это орудие борьбы. Здесь Китай берет пример с Японии, которая, позаимствовав европейскую технику, превратилась в мировую державу. Китай хочет использовать ее опыт и, при помощи европейской техники, отстоять свою независимость от надоедливых империалистов.

Что же касается китайской культуры, то Китай по этому поводу при особом мнении. Молодые китайцы обычно говорят, что от японцев их отличает преимущество их культуры. Ибо японцы своего мало что имеют, часть у них китайского, а часть европейского. Китайцы же имеют большую культуру, которая их достояние.

Возможно, что это не совсем так, что тут много сомнений, ибо факт остается фактом, процесс европеизации идет; но, конечно, трудно предположить, что вся китайская культура пойдет на смарку. Очевидно, нужно предположить иное, а именно, что будет какое-то синтезирование китаизма с европеизмом, что будет переработано многомиллионным Китаем на его собственных жерновах, в его лабораториях, для того, чтобы пойти затем на потребу нового Китая.

Из всех народов древности Китай один сумел сохранить-ся, и про него отнюдь нельзя сказать, что он народ прошлого, обреченный для будущего. Нет. Он сумел сохранить свою жизнеспособность, он имеет будущее. Что он сделает со своей старой культурой: создаст ли он новую, или пойдет на поводах у европейской цивилизации,—покажет это его будущее.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

От автора	
1. В преддверии Китая	
2. Старый и новый Китай	
3. На путях капиталистического развития	
4. Рабочее движение в Китае	
5. Гражданская борьба в Китае	
6. Китайская культура и европейская цивилизация	

Кацун

Склад издания в магазинах «ТРАНПОСЕКЦИЯ»

МОСКВА

Ильинка, 21, тел. 4-78-50; Тверской бул., 26; Тверская ул., 35.

